MİLLET BAYRAĞI

AYLIK MECMUA

№ AĞUSTOS - 1935 - АВГУСТ 4

ЕЖЕМЕСЯЧ. ЖУРНАЛ

ЗНАМЯ НАРОДА

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

CAVAN. Şimalî-Kafkasya muhaceretinin amelî mes'eleleri 2
DOĞUJ. Şimali Kafkasyada Halk Edebiyatı 3
Şim. Kafkasya'nın halk yaratıcılığından Sosruko 5
В. БОНЧКОВСКИЙ. Актуальные заметки . 7
АНДЕМЫРКАН. Ниппон и Россия . . 10
ТЕМИР БАЗЫРЫКХО. Аппетиты не по чину 14
ДЖАНХОТ. Вольно-казачье движение в нашем понимании 17
ÆSSON. „В начале бе Ирон" . . . 22
Из народиой поэзии Север. Кавказа
Скорбь о брате 24
Абреческая 24
Боевая 24
Бляо 24
Среди книг и журналов 66
Küçük haberler — Хроника 26

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„MİLLET BAYRAĞI"

MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Cz. Krzyża 9 m. 5. Warszawa, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ

„ЗНАМЯ НАРОДА" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год.
Во всех странах Европы .	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	2 долл

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Cz. Krzyża 9 m. 5. Warszawa, Pologne.

MİLLET BAYRAĞI
ЗНАМЯ НАРОДА

ОРГАН СЕВЕРО-КАВКАССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

№ 4 AĞUSTOS — 1935 — АВГУСТ № 4

DAĞLIK KARAÇAY'DAN BİR MANZARA В НАГОРНОМ КАРАЧАЕ

Cavan

Şimalî-Kafkasya muhaceretinin amelî mes'eleleri

Kütlevî siyasî muhaceretler esas itibarile iki kısma bölünüyorlar. Bunlardan biri, içtimaî degişiklik ve inkılab neticesinde vatanini terk etmiş muhaceret, digeri de haricî kuvvetlerin taarrüzu ile tazyik ve tahakküme dayanan yabancı bir rejimin teessüsü neticesinde yurdunu bırakub çıkan millî muhacerettir.

Birinci tip muhaceretlerin alelumum kendi memleketlerinin müstakbel mukadderatları üzerinde müessir bir rolları olmıyor. Onlar ekseriyetle eski nizamın ideolojik kıymetlerini taşıyarak mağlub olmuş bir azlığın dünya görüşüne tercüman oldukları ve asıl vatan hayatından ayrıldıkları için kendi ideolojilerini hayatın degişen şeraitine uydurmak kabiliyetinden mahrum bulunuyor ve en sonda ya yayıldığı yerlerde temessül ederek muhacir olmaktan çıkıyor yahut da fedakârlığa giderek kendi ideolojilerinden vaz geçiyorlar.

Millî muhaceretler ise temamen başka bir evsafı haiz bulunuyorlar. Millî muhaceret kendisini ideoloji itibarile faal bir vaziyette muhafaza ettiği müddetce, millî ana kökten ayrılmak tehlikesine maruz degildir.

Millî muhaceret her zaman çarpışan halkı tekmil ediyor, zira millî hareketin esas gayesi mahkûmiyet devrinde katiyen degişmiyor ve millet ve vatanı kurtarmak arzusu, tahakkuk edinceye kadar kendi kuvvetini muhafaza ederek diger bütün arzuların üstünde bulunuyor. Millî kurtuluş hareketinde son gaye barıştırıcı ve birleştirici bir amildir. Bu gaye uğrunda çarpışan bir millî muhaceret, bütün milletin hareket yolu üzerinde yürüdügüne emin ola bilir. Millî muhaceret, vatan haricinde bile kendi milletinin bir parçası olmakta devam ediyor, çünkü onunla millet arasında ideolojik ziddiyet uçurumları mevcud değildir.

Millî muhaceretlerle halk arasında mevcut bu ideoloji birliği, amelî mes'elelerin dahi bir ve ayni olmasını icalb ettiriyor. Muhaceretin faaliyeti haddi zatında vatanda çalışan millî kuvvetlerin faaliyetlerinin aynidir. Bu faaliyeti tahlil edecek olursak, millî kurtuluş hareketi faaliyetinin esas itibarile millî kadro hazırlamak ve bu kadroyu müteşekkil bir hale getirmekter ibaret olduğunu görürüz. Öyle bir kadro ki, millî devlet vücude getirmek sırası gelince geniş halk kütleleri bu kadroların etrafında birleşecektir. Kadro mes'elesi millî-kurtuluş hareketinde en mühim meselelerden birini teşkil eder. Çünkü kuvvetli ve bir birine merbut grupların mevcudiyeti, hareketin teşkilatca çok iyi olduguna delalet eder, müteşekkil olmak ta—heyecandan hiçte az olmıyarak—muzafferiyetin esasını teşkil eder.

Şim. Kafkasya millî muhacereti için bu mes'elenin bilhassa çok büyük ehemmiyeti vardır. Çünkü muhaceretimizin sayı oldukca fazladır, milletimizin takriben dörtte biri hariçte bulunmaktadır. Bu milyonluk kütle tam manasile millî ruha sahib olur ve kendi içerisinden lüzumu kadar müteşekkil kadrolar çıkarırsa, muhaceret devrimizden hakkile istifade ettigimizi cesaretle söyleye biliriz.

Muhaceretimiz arasında bu teşkilat işi nasıl ve ne şekilde yapılmalıdır? Bize göre, oldukca geniş bir sahayi („geniş" yalnız muhaceretin sayı itibarile değil ayni zamanda çok dagnık olmaları manasındadırda) ihate eden bu iş içtimaî bir evsafı haiz olmalıdır. Avrupa'da merkezleri bulunan sırf siyasî teşkilatlar, bu işi aks ettirmeli ve bundan millî propaganda maksadile istifade etmelidir. Bu faaliyet, millî ideyi temsil etmek hakkını ancak kendisinde gören ve inhisar altına almak isteyen muhtelif siyasî grupların siyasî oyunlarına hizmet etmemelidir.

Tabii dir ki, teşkilat işi, ancak, muhaceretin geniş bir kütle halinde bulunduğu ve serbest içtimaî faaliyette bulunmak imkânını haiz olduğu yerlerde yapıla bilir.

Bu gibi yerler şimdilik Suriye, Mısır, Maverayierden, Filistin ve Irak gibi arab devletleridir. Bu memleketlerde muhaceretimiz kesif bir halde bulunuyor. Suriye ve Musırda ise hatta aktif millî unsurları bir araya getiren ictimaî teşkilatlar bile mevcuttur. Muhaceretin umumî sayı burada 80—100 bini bulmaktadır.

Faaliyet ilk sırada gençliği ihate etmelidir. Bu, yalnız gençliğin bu gibi işlere daha çabuk yanaştığı ve bu gibi şiarları daha kolay benimsediği için değil, ayni zamanda himayeden ve icab eden yolu göstereceklerden mahrum olduğu için temessüle daha çabuk kapılacağı için zaruridir.

Gençlik arasındaki faaliyet şekline gelince, Garbi Avrupada bunun izcilik, muhtelif spor teşekkülleri gibi misallerini görüyoruz (şunu da kaydedelimki, Kahire'de Çer-

kes izcilik cemiyeti kurulmuştur. Esas vazedilmış demektir). Izcilik ve muhtelif spor, şekilleri kütlevî bir evsafi haiz bulunduğu için gençlik üzerinde geniş surette müessir olmak imkânını verdiği gibi gencliği ruh disiplinine dahi alıştırıyor. Bununla beraber, genclik bedence de inkişaf ederek millî hareketimizde zarurî sayılan askerî evsafi dahi haiz bir hale gelebilir. Millî ruhta terbiye görmüş izci ve sporcularımız, müstakbel millî ordumuzun çelikten bir temelini teşkil ede bilirler. Şunu da unutmamalı ki, kendi süngüsile Lehistana hürriyet bahşeden Pilsudski legiyonlari „atıcı" denilen yarı spor ve yarı askerî teşkilatlardan dogmuştu.

Şu da unutulmamalıki, vatanımızda bu kabil çalışmaya imkân yoktur, faaliyet hafi bir şerait dahilinde yürütüldüğü için her hanği bir kütlevi faaliyet imkânsızdır. Bu cihet, muhaceret arasında bu kabil faaliyette bulunmak zaruretini daha fazla kabartıyor.

Ümid ediyoruz ki, şimalî—Kafkasya muhaceretinin nisbeten daha serbest bulunduğu yerlerdeki kardeşlerimiz millî hareketimizin bu esas mes'elesini ehemmiyetle telakki ederek enerji ile bu işin tahakkukuna gayret edeceklerdir. Onların mesuliyeti daha büyuktür, çünkü muhaceretimizin esas kısmı bu mes'eleyi tahakkuk ettirmek imkânından mahrumdur.

Doğuj

Şimalî Kafkasyada Halk Edebiyatı

Şifahî halk edebiyatının zenginliği, Şimalî Kafkasyada, sözün tam mânasile, hududsuzdur. Bu edebiyatın şarkı ve masal kısmı bilhassa mütenevvi ve dolgundur. Şu kadar söylemek kâfidir, ki bir tek Avaris tanda 700, Adige vilayetlerinde de bir o kadar, Osetiyada 300 şarkı toplanmıştır.

Halkın bu şifahî edebiyatını mukayese eylediğimiz zaman, dil ayrılıklarına bakmıyarak, bu edebiyatın artık degerlere malik bulunduğunu görürüz. Ekseren bu edebiyat, kabile yaratması olmaktan ziyade ortak millî ruhun mahsulu olduklarını isbat ediyorlar.

Mevzu, san'at ve yazı tarzi hemen hepsinde aynidir. Şarkilerin bir çoğu ortak millî kahramanlara (ilk önce İmam Şamile) hasredilmiştir. Avarların Haçbar hakkındaki efsane ile kabardinlerin Andemırkan ve osetinlerin Çermen efsaneleri ruh bakımından birbirlerine o kadar yakındırlar, ki onları ayni masalın ayrı şekilleri telakki etmek mümkündür. Nihayet, zengin epik nart hikâyeleri Abhaziyada, bütün Adiğede, Karaçayda, Çeçen, Osetin ve sair illerde ayni surette sevilmektedir.

İnşa ve ibda tarzına gelince burada rümuz büyük rol oynamaktadır. Bunu kaydeden Prof. Jirkof, bu hususiyetin arab edebiyatına mahsus olduğunu ilave etmektedir. Meselâ silah ve kılıcdan bahseden bir avar şarkisi şöyle diyor: „Kurt derisine bürünmüş kırımlısı ile istanllusunu alarakkazaklar üzerinde sınamağa çıktı."..

Bundan başka Şımalî-Kafkasya halk edebiyatı dilin kuvveti ve isabeti bakımından da kıymetlidir. Misal için Çeçen-İnguş halk edebiyatından bir kaç parça alalım.*)

El-Murza'ya dair epik şarkıden:

„Kendisi bir ayı kadar gazebli iken, silahini koşandı, yüngül bir kuzgunun agaca konduğu çeviklikle El-Murza atına atladı...

...Onlar gök Terekin sahiline geldiler, atları onlara gemi, kamçıları kürek işini gördü...

...Ruslar onları takibe çıktılar ve, yetişince, muhasereye aldılar. Muhasereye alınca müfreze kumandanı El-Murzanın teslimini taieb etti. El-Murzaya gelen ilçi dedi, ki:

„El-Murza, senin göğe uçmaga kanatların yok, yerin altına gitmek için de toprağı kazmağa tırnakların zayif."

El-Murza cevab verdi: Kırımlım (silah) beni göğe kaldıracak kanatlarımdır. Tersmeymul kılıcım da yeri kazacak tırnaklarımdır. Ve ben, boynumdaki silah kayışı yerine kadın boyun bağısı giydigim zaman teslim olurum."...

Hamzat'e dair epik şarkıden:

...„Öyle sıcak bir gündür, ki biz yalnız sılahımızın gölgesine güvene biliriz".

Lirik bir şarkıden:

...„Onun ağzı, bir kurt ağzı gibi kana bulaşmış bile olsaydı, ben gene onu öperdim".

Nahçoo batır hikâyesinden:

„Biz, kurt doğurduğu gece doğduk. Ka-

*) „İnguş ilmî araştırma enstitü ahbarı" — L. Semyonof: „İnguşların ve Çeçenlerin halk edebiyatı".

plan nâresile etrafi uykudan uyattığı sabah, bize ad koydular."

Şimalî Kafkasya halkıyatının en monumental eserlerı, şupheşiz, ki Nart eposlarıdır. Yukarıda yazdığımız gibi, bu eserleri ortak-millî eser diye ala biliriz. Bütün kabileler arasında muhtelif rivayetler halinde dolaşan bu eser bir çok misal ve mukayeselere menba rolunu oynamaktadır.

Nart eposunun kahramanları, efsanevî Nartlardır. Bu kahramanlar hali hazırda bile millî ahlak temizliginin timsali olmakta devam ediyorlar; gerçi bâzen samimî mizah mevzuunu dahi teşkil etmektedirler.

İç kuruluşu bakımından Nart eposları, kadim dünyayi görüş tarzının ve en eski kultların kalkıların, kendi içinde korumaktadır, ki bu da halkiyatın bariz hususiyetini teşkil eder. Mih. Talp'ın Tristan ve İzold hakkındaki kelt romanında edebî tekâmülünü bulan cihanî dastanının heyeti mecmuasını bu hikâyelerde bulmak mümkündür. Ona göre, Nart eposları ehemmiyetinin, Şimalî Kafkasya hududlarını aşarak, cihanşümul mahiyet aldığını kabul etmek lâzımdır. Ayni zamanda Nartlar hikâyesi dışarı şekli itibarile yüksek bedii edebiyatın bir nümunesidir.

„Promete" efsanesinin Şimalî Kafkasyadaki şekli de az ehemmiyeti haiz değildir „Promete" efsanesinin yunanlılara ait olmayıb Kafkasyadan çıktığına söz yoktur. Çünkü o Kafkasyada zamanımıza kadar canlı halkiyatın ayrılmaz bir uzvunu teşkil eder. Yunan efsanesi kahramanının Kafkasyada bir kayaya zencirlenmiş olduğu ve eski yunanilerin Kafkasya milletlerile sıkı irtibatta bulundukları da bunu isbat eder.

Şimalî Kafkasya „Promete"yi muhtelif kabilelerde muhtelif ad almıştır. Abhazlar ona „Abiriskil", adigeler—„İnış", osetinler—„Amran" diyorlar. Adigelerin „Promete" hikâyesini „Oşha-Maho" (Elbrus) efsanesinde buluruz.

Kabardin efsanesi diyor, ki:

„İnsanlardan kimse bu dağın başında bulunmamıştır. İnış adlı tek gözlü kuvvelti bir adam çok eski bir zamanda, iki zirveyi ayıran yarmaya girmeğe cesaret etti. Bunun cezası olarak, Tha (Tanrı) onu, uzaktan gözüken büyük bir kayaya, uzun bir zencirle zencirledi. Onun uzun sakalı karnına dayanmış, bu sakal o kadar ak, ki Oşha Maho'ya benziyor. Beli büküldü. Kadır Tha, üstelik olarak yırtıcı bir kuş dahi gönderdi: bu kuş her gun uçarak gelir ve dimdiği (gagası) ile onun yüregini merhametsizce parçaliyor.

Zavallı ihtiyar, kayadan çıkan duru sudan bir az içmek için egilince, yırtıcı kuş ondan daha evvel suyu son damlasına kadar içib bitirir. Bu suda esrarengiz hayat kudreti vardır. Kim onu içerse dünyanın sonuna kadar yaşar.

Bir zaman gelir, ki insanlara kızmiş olan Tha, ihtiyarı cezaden halas eder, zencirlerini çözer, o da uzun yıllardan beri çektiği iztirabın acısını insanlardan almağa başlar."*)

Öteki kabilelerdeki hikâyelerde de bir çok benzeyişler vardır. Misal için Dzaho Gatuyefin ruscaya çevirdiği Osetin (Cenubî Osetiya) rivayetini aşağıya alıyoruz:

Amranın mahvi

Karada ve denizde
Öyle yer yoktu, ki
Amran Daredzanti
Gücünü sınamamış olsun.
Yalnız Htsau**) ile
Karşılaşmamıştı.
Htsau'yı da sınamak istedi.
O zaman Htsau gidiyordu yol ile
Atlı olarak.
Amranı görünce söyledi:
—„Yolun açık olsun,
Bacım oğlu Amran"...
Amran cevab verdi:
—„İşlerin kolay gelsin,
Anamın doğma kardaşı...
İn güreşelim,
Bakalım kim daha güclüdür".
O zaman Htsau dedi, ki
—„Amran!
Güreşle beni yıkamazsın"
—„İn, Htsau, bir defa
Güclerimizi yoklarız!"
Htsau kamçısını yere attı
Ve Amrana döndü:
—„Kamçımı lütfen veririmisin!..
Amran igildi
Fakat kamcıyı yerinden kımıldatamadi.
Htsau ise
Kızarak
Amranı Uorsaci—hoho'da***)
Zencirbend ettirdi.
Amran Daredzanti
Bugüne kadar
Uorsacı—hohoda zencirlenmiş duruyor.
Bir gün Dzudta Kutsi
Ava çıkmıştı.
Dır dağ geçidinde magara kapusuna rastladı.
Kapular açıldı.
Avçı gördü, ki:
Amran Daredzanti

*) „Şimalî Kafkasya bolşeviki" — Mih. Talp'ın „Kabarda halkiyatından' yazısı.

**) Htsau — Tanrı.

***) Uorsacı—hoh—Dağ adıdır.

Demiz zencirlerle bağlanmış
Ve mavî duman içinde mavi bir ışıkla
parlıyor.
Avçı ondan korktu,
Kaçmak istedi.
—"Korkma, tanımadınmı,
Ben Amran Daredzantiyim.
Yaklaş bana."
Avçı itaat etti...
—„Kılıcımı ver bana!"
Dedi Amran.
Avçı uzandı kılıca doğru.
Kılıc yerinden kımıldamadı.
—„Ne yapayım,
Kaldıramıyorum?"
—„Bir elinle sapını,
Bir elini bana ver.."
Avçı da öyle yaptı.
Amran onu çekince, Dzudta Kutsi bağırdı:
—„Vücudumu parçalıyacaksın!.."
Amran buraktı Dzudta Kutsiyi
—„Kıoş,
Ve, yapa bilirsen munakaşasız
Gökten kırılmış zenciri
Bana getir.
O zaman burdan kurtulurum
Ve saadet döner size
Ey dünya ehli!"
Göklerden kırılmış zencir
Dzudta kutsinin evinde idi.
Evine koşarak o
Zenciri sordu,
Aldı ve götürdü,
Karısı görünce arkadan bağırdı:
—Benim zencirimi nereye götürüyorsun!..
O zaman magara gene kapandı...
Zencirbend olarak
Kaldı Amran.

Hali hazırda Şimalî Kafkasyanın kültür müesseseleri—müstevli sovyet rejimi şeraitinin müsaid olduğu nisbetinde — şifahî halk edebiyatının zengin materyallarını toptıyıb sistematize etmeğe çalışıyorlar. „Muhtariyetli vilayetlerin" ilmî tetkikat enstitüleri geniş bir neşriyat proğramı cizmişlerdir. Bu neşriyat programı bütün halk bediyatını ihate edecekmiş.

Fakat bu proğramların tatbik edileceği çok şüphelidir. Sovyet şeraiti altında Şimalî—Kafkasya halkiyatının en az bir kısmı neşredile bilir ve bu halkiyattan ancak rejimin doğmalarına muhalif olmıyanları alınacağı malumdur. Çok ihtimal, ki bu kısmı de „işliyerek" asil mahiyetinden uzaklaştıracaklardır. Memleketimize konmuş olan yabancı rejim daima, kaynağını millî hususiyetimiz teşkil edensan'atın inkişafına mani olacaktır.

Yalnız yabancı rejimi kovmak son gayemizi teşkil eden Millî kurtuluşa kavuşmak suretiledir, ki yeni manevî değerler yaratmak ve gelecek nesiller için geçmişın büyük kahramanlıklarını korumuş güzel halk edebiyatımızın hazinelerinden serbestce istıfade etmek imkânını elde etmiş oluruz.

Şim. Kafkasya'nın halk yaratıcılığından

SOSRUKO

(Nartlar hakkındaki epostan — kabarda rivayeti)

Nehrin sahilinde Sataney çamaşır yıkıyordu.
Nart ineklerinin çobani kaya üzrinde
oturmuş Sataneye bakıyordu.
Bu güzel kadını çoban sevdi.
„Sana geliyor, Sataney" — diye o, nehir
üzerinden bir damla tohum fırlattı.
O damla Sataneyin ayakları altında bir
taş üzerine düştü.
Daş o damlayı canına çekti.
Sataney kaldırdı o taşı, beraber aldı —
sandığa koydu.
Dokuz ay, dokuz gün, dokuz saat taş
orada kaldı.
Taş büyüdü.
Demirçi Tlepş*) o taşı parçaladı

*) Esatirî demirçi.

Oradan Sosruko nam çocuk çıktı ve bir alev içerisinde Sataneyin koynuna düşerek kömleğini yaktı, yere düştü.

Tledş çocuğun dizlerinden maşa ile yapışarak yedi defa suya bastı.

Bu suretle sovuttu.

Sosrukonun vücudu çelikten idi, yalnız dizlerinin maşa ile dutulan kısmı alelade et—kemikti.

* * *

Nart ilinin bütün nartları toplanarak Sosrukoyu aradan kaldırmak çarelerini görüştüler. Toplananlar şöyle dediler: „Sosruko nartlardan kimseye rahmetmez, hepsini öldürür. Biz onu öldürsek daha iyi olmazmi?"

Sosrukonun bir sevgilisi vardı.

Bir gece Sosruko ona gitti.

At üzerinde kapıya yaklaşırken sürgü yerine kullanılmış.

Sosruko hayret etti.

Atını seddin üzerinden atlatıb avluya düştü. Atını bağladı ve eve girdi.

Gene hayret edici sahne ile karşılaşdı. Sevgilisinin unautu*) ocak başında oturmuş uyuyor, elleri ateş içerisinde yanıb dumanlanmaktadır.

Sosruko gene hayret etti

İkinci odaya geçtiği zaman ayni mucize — sevgilisinin atası yatıyor, dilinin üzerinde ise bir yılan oturmuş, dilini yalıyor. Sevgilisinin anası ise bir kabdan saman yemektedir.

Sosruko bir daha hayret etti.

Sevgilisinin yatak odasına girdi.

Yedi. Ak Sano**) içti.

Sevgilisile yan yana uzanınca gene mucize ile karşılaşdı. Sevğilisinin bir böğrü ateş gibi yanıyor, öteki ise buz gibi souktu.

Sosruko ancak o zaman sevğilisine döndü ve „Sizde neler oluyor?" diye sordu.

Sevğilisi ise cevabında dedi, ki:

— „Sevğilim Sosruko! Nart ilinin bütün nartları toplanmış, seni ortadan kaldırmağa karar vermişlerdir. Arayıb buldukları ihtiyar büyücüye bu husussta çare bulmasını emretmişler. Bütün gördüklerin o ihtiyarın hiylesidir Sakın, yarın eve giderken yolda görecegin şeylerden hiç birini kaldırmıyacaksın

Kaldıracak olursan — bil, ki — öldürülürsün.

Ertesi gün erkenden Sosruko evlerine dönerken yol üzerinde kırmızı bir sepa gördü. Almadı. Ondan sonra bir arkana rastladı. Onu da almadı. Bir az ötede altın bir zirh gördü.

„İki defa almadı, bunu ise bırakamam", dedi ve alıb giydi.

Sonra atı Thojey'e dönerek dedi, ki:

„Uzun yıllardan beri biz birbirimize hizmet ediyoruz, fakat yigitligimizin sonunu tahmin edemeyiz. Bugün onu da sınamalıyız".

Thojey cevab verdi:

— „Şimdiye kadar benim yüzümden Savaş meydanında kaldığın olmamıştır. Ve ben de senin tarafından şimdiye kadar bırakılıb kalmadım. Bu konuşmadan hiç bir fayda çıkmaz, en eyisi bunu burakalım. Eğer taşlık eraziye düşmezsem, unutma, ki bana dünyada hiç bir hayvan yetişemez. Ona göre çalış, ki taşlık yere düşmiyelim".

Sosruko da cevab verdi:

„Dizlerime dokunmamak şartile, hiç bir silah bana tesir etmez. Dizlerim âdî et—gemik olduğundan, kılıc onu çapuk keser. Başka türlü beni mağlub edemezler".

Sosruko sözünü bitirince giydiği zırh gayboldu.

Sosruko Harama—Tepeye yaklaştı.

Bütün nartlar orada, toplanmışlardı.

Büyücü kadın nartlara dedi, ki:

„Jan—şark*) Sosrukonun vücudunu kesemez, eğer dizlerinden geçerse, belki bir şey yapar".

Sosruko Harama—Tepeye yaklaşınca nartlar bağırdılar:

„E-ey, geniş penceli, nartlar çobanının neslinden gelen Sosruko! Jan—şark sana doğru geliyor. Alnınla vur!" Sosruko—jan şarkı alnıle dağın tepesine iade etti.

İkinci defa bağırdılar:

— „Ayağınla vur!"

Vurdu. Evvelkinden daha hızlı geri sürdü.

Üçüncü defa buraktılar ve:

— „Eğer güclü isen dizinle vur!" dediler.

Sosruko kızdı. Jan—şarkı dizile vurdu ve jan—şark her iki dizlerini kesti.

Sosruko hemen atına atladı. Fakat yolda o kadar taş vardı, ki...

Thojey durdu. Nartlar yetiştiler...

* * *

Sosruko düşdü, nartlar gücsüz Sosrukonun bulunduğu yere geldiler.

Nartlar bütün vahşi hayvanlara ve bütün yırtıcı kuşlara şöyle haykırdılar:

— „Kim yigit kanı içmek istiyor, kim yigit eti yemek istiyor?"

Kurt cevab verdi ki: „Yigit kanı içmem, yigit eti yemem. Sosruko avda avldığı eti hiç bir zaman, yemezdi hepsini yoksullara veya kuşlara verirdi."

Sosruko bunu eşidince dedi, ki:

— „Gücümü yediye bölüyorum ve yedide birini kurda veriyorum."

Onun içindir, ki kurdun korkmaz bir yüreği vardır. Eğer Sosruko demiş olsaydı, ki bütün gücümü kurda veriyorum", kurdu hiç bir güc yenemezdi.

Nartlar, „Sosrukoyu bu dünyada ölmeğe bırakmıyalım", dediler ve onu diri—diri gömdüler.

Fakat o yer altında da yaşamaktadır.

Bahar girdiği zaman Sosruko derinden şunu söyliyor:

---

*) Köle kadın.

**) Nartların kahramanlık içğileri.

*) keskin dişli çelik teker.

В. Бончковский

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ*)

В передовой статье последнего номера ж. „Всхуд" мы уже отмечали, что созданное войной положение в Европе и Азии характеризуется по-прежнему атмосферой непостоянства, которая охватывает почти все отрасли общественной жизни.

„Мир, погруженный в атмосферу недовершенных усилий, — писалось у нас — живет постоянно под влиянием некоего психического напряжения, на дне которого пульсирует в непрерывном ритме один мотив — мир или война?**)

С того времени, как эти слова были сказаны, прошло более полгода. Много воды утекло за это время и в Висле, и в Волге, и в Тибре, и в Рейне. Новые факты все усиливающегося соревнования железа и стали позволяют нам установить сходство между настоящим моментом и временем, предшествовавшим 1910 году, когда довоенные политические круги не спрашивали — будет или не будет война, но лишь старались установить — когда война вспыхнет, кто с кем будет воевать, как долго и какими средствами будут вестись военные действия?

В аналогичном положение находится и современность, которая старается разрешить вопрос разделения мира на два лагеря, которые уже завтра могут вступить в борьбу между собой. Разрешение этой проблемы не так легко. Не легко оно даже в отношении государства так, казалось бы, прямолинейного в своей политике, как Германия Хитлера. Ибо слишком долгим и осязательным на результатах восстановления милитарной и экономической силы Советов было Рапалло, чтобы его тень не заслоняла сегодня ясных и логических контуров новой действительности, созданной национал-социалистической революцией. Не легко ответить на упомянутый вопрос и в отношении Польши, хотя ее политическая позиция относительно Востока и Запада в настоящий момент не находится в числе проблем неясных.

В последнем случае одно является характеристичным и многоговорящим: источник конфликта в виде т. н. „данцигского корридора" и „кипящего польского котла", о котором еще недавно усиленно трубили иерихонские трубы международного „пацифизма" (оплачиваемого военными министерствами заинтересованных государств), в одно мгновение...исчез. Это случилось в результате полного осознания Польшей собственных политических интересов и своих задач в мире, что привело чужестранные подсказывания (obce podszepty), провокацию и даже собственные чувства (Польши) к надлежащей им роли нерешающих факторов.

Польша, шествуя к более отдаленным и высшим целям своего державного идеала разрешение мелких, менее важных проблем откладывает на более поздние времена, до момента, когда будут разрешаться основные вопросы, мучающие культурную часть Старого света, в состав которых входят проблемы бытия или небытия целых народов и общественно-политических систем, а также пересмотр границ в масштабе сотен километров.

Рассматриваемые именно в этой, наиболее отвечающей истине, перспективе, пакты о ненападении, заключенные с Германией и СССР, являются ничем иным, как только державными бросками польской заграничной политики, освобождающими Польшу от малозначущих вопросов, ради выполнения ею великих заданий, и подчеркивающими решительный переход политики Речи Посполитой на путь полной независимости. Идея самостоятельности, являющаяся движущей силой и душой современной польской жизни, стала, таким образом, причиной принятия свободного

*) Настоящая статья была напечатана в последнем номере известного нашим читателям польского востоковедческого журнала „Всхуд", откуда, с любезного согласия ее автора, переведена одним из наших сотрудников для напечатания в журнале „С.К.". Автор статьи, г. В. Бончковский, являясь главным редактором ж. „Всхуд", редактирует одновременно и еженедельный „Польско-Украинский Бюллетень" („Biuletyn Polsko-Ukraiński") — р-ция.

**) Автор цитирует статью Э. Вишневского— „Сущность польской державности" — № 2-3-4 (за 1934 г.) ж. „Всхуд" — (переводчик).

— „Orda ki, gök mavileşir,
Orda ki, yer yem yeşildir,
Yedi gün orada
Hürriyet isterim.
Yaşamak isterim,
Ki düşmanlardan öc olayım,
Onların hasetçi gözlerini oyayım."

Öyle anlatıyorlar, ki her yıl ilk baharda Sosrukonun bu sesi eşidilmektedir.

решения, которое позволит Польше, в решающий момент грозящего миру вооруженного конфликта, распоряжаться самой своей судьбой. Вчерашняя Польша была бы втянута в водоворот событий, не смотря на то — отвечает ли это ее интересам или нет. Сегоднешняя Польша имеет уже в качестве решающей силы свою собственную волю и сознание своих специальных задач в мире...

* * *

Согласимся с тем, что территория Польши, лежащая в северо-западной части балтийско-черноморского прохода, характеризуется стабилизацией на западе и изменчивостью на востоке. Точный анализ установления границ Польши покажет нам, что наши западные границы, на протяжении веков существования установившейся государственности (во времена исчезновения подразделений на провинции феодального периода), подвергались относительно незначительным колебаниям. Зато, наши государственные границы на востоке были подвержены постоянным и фантастическим изменениям. Во времена Болеслава Храброго они доходили до Днепра, в царствование Казимира Великого охватили Червонную Русь, во времена первых Ягеллонов дошли до Акермана и заключали почти 1 миллион кв. клм. одних только восточных земель с тем, чтобы во времена долголетних польско-московских войн, казачьих восстаний и т. д. резко отойти на запад. Последовавшие затем разделы Польши были последним и наиболее красноречивым актом исторического развития взаимоотношений Польши с Востоком и Западом: почти 80% земель тогдашней Речи Посполитой, земель отнюдь не русских и культурно чуждых Москве, попало в руки России. Оставшиеся 20% достались Германии и Австрии, из которых последняя стала потом Пьемонтом польского возрождения.

Современность не принесла видимых изменений на нашем Востоке и Западе. Германский территориальный империализм лишь в слабой степени может быть противопоставлен силе извечного русского давления на наши восточные окраины.*) Вся история России со времен Ивана Калиты была ничем иным, как только стремлением к захватам.*) И сегодня, согласно принципа византийско-славянской империи и лозунгов русских славянофилов XIX ст., Красная Россия превратилась почти в полного хозяина положения в Дарданеллах, заключив трактат с Турцией, весьма неравный и гарантирующий все преимущества только советской стороне. Во имя тех же лозунгов старого русского „панславизма", реализируется русско-чешское сотрудничество, а старая основа „Триединой Руси" внедряется в жизнь при помощи новых Дудыкивичей—Панейко**) и сотрудничающей с ними подземной армии коммунистических дельцов.

К этим замечаниям необходимо добавить еще один, может быть наиболее знаменательный, факт. Наша граница на западе представляет из себя не только границу государственно-политическую, но и этнографическую и историческую. Всех этих свойств не имеет наша восточная граница. В ней отсутствует фактор этнографический и стабилизация историческая. Но прежде всего в ней отсутствует своеобразный стиль, могущий укрепить границу более мощно, чем самое мощное проволочное заграждение. Если ныне дополним наши выводы материалами, которые приводит в своей весьма интересной, хотя и не свободной от преувеличений и некоторой экстраваганции, книге Владислав Студницкий***), известный автор „Польской проблемы" („Sprawa Polska") в 1910 г., то придем несомненно к логическому выводу, что при настоящем положени возможность вооруженного конфликта существует не при нижнем течение Вислы, а в ином месте. Не „данцигский корридор" является сейчас источником конфликтов, а волна „коммунистической" (российско-империалистической) пропаганды, время от времени прокатывающаяся через Волынь

---

*) В оригинале написано: „Terytorjalny imperjalizm niemiecki w drobnym i ułamkowym stopniu sprostać może sile odwiecznego rosyjskiego parcia na „ziemie ruskie" Kresów Rzeczypospolitej"... (переводчик).

*) В 1425 г. террит. России состав. 400.000 кв верст

„ 1613 г.	„	„	„	8.580.000	„	„
„ 1645 г.	„	„	„	12.375.000	„	„
„ 1725 г.	„	„	„	15.510.000	„	„
„ 1761 г.	„	„	„	17 600.000	„	„
„ 1825 г.	„	„	„	20.195.000	„	„
„ 1888 г.	„	„	„	22.000.000	„	„
„ 1914 г.	„	„	„	23.000.000	„	„

После 1920 г красная Россия присоединила к своим владениям de facto и Внешнюю Монголию, возмещая этим потери на западе.

**) Галицийский деятель, считавший, что украинцы составляют ветвь русского народа – (переводчик).

***) „System powojenny Ewropy a Polska", Warszawa, 1934 (примечание автора). В одном из ближайших номеров эта весьма интересная книга будет рассмотрена на страницах нашего журнала—р-ция.

и Полесье, а также иные, им подобные, выступления Коминтерна, нарушающие целость и интегральность наших границ и границ почти всех государств мира.

На фоне этих фактов и, прежде всего, на фоне не подлежащего обсуждению факта относительной стабилизации положения на нашем Западе и такой же нестабилизованности положения на Востоке — вырисовывается громадная роль проблем нашей восточной политики как внутренней (окраинной), так и заграничной - роль, которая в своей сущности и в противовес мнению некоторых ответвлений польской политической мысли превышает проблемы нашей западной политики. Специальное значение приобретают и проблемы, репрезентируемые ж. „Всхуд", — проблемы, которые традицией нескольких лет названы были „прометейскими".

* * *

Проблемы прометейские — это комплекс проблем, охватывающих освободительные усилия угнетаемых народов на Востоке вообще, а в Советском союзе в частности. Репрезентантами этих вопросов в Европе являются политические эмиграции из захваченных Россией стран, об'единяющиеся под знаком прикованного к одной из кавкасских вершин Прометея, символа стремлений к сиянию свободы. Это—грузины, азербайджанцы и северо-кавказцы, образующие союз народов Кавказа на основе Конфедерации; это также и украинцы. К ним принадлежат и армяне, крымские татары, татары поволжские, туркестанцы, казачьи народы и на севере — карельцы. Нельзя обойти и менее активных политически белоруссов и другие более мелкие народы.

Каков же генезис польской заинтересованности прометейскими вопросами? Зачатки ее мы можем найти уже в истории Польши, как страны, в которой ни один из народов не только не утратил свою национальную индивидуальность, но, наоборот, развил ее. Благодаря нескольковековой связи с индивидуализирующими и диференцирующими влияниями польской культуры, украинский и белорусский народы более действительно и с большей силой сопротивлялись нивелирующим влияниям русского Востока. Период упадка Польши увеличил действенность этих влияний. Традиция польской освободительной борьбы в XVIII и XIX в.в. дает бесчисленное количество фактов участия поляков в освободительных движениях Соединенных Штатов, Венгрии, Бельгии, Украины, Перу и Гаити, даже русских-сибиряков в XIX столетии и в зарождении освободительных тенденций у белоруссов и иных народов.

Возникший в те времена лозунг „за нашу и вашу вольность" вышит был золотыми буквами на многих знаменах и был переводим на многие языки. („For our Liberty and yours" — красовалось на знаменах американских войск Вашингтона, которые поддерживались светлым гением Тадеуша Косцюшки и бравурной отвагой Пулаского). Лозунг этот получил наивысшее в истории человечества выражение в поэзии польского романтизма, в которой отечество поляков называлось Христом народов, источником новой религии — религии свободы и борьбы с угнетателями.

Этот лозунг имел свои синонимы и в польской философии и общемировой истории, созидаемой лучшими умами Польши. Внедрением в жизнь, в сферу практических починаний, формулы „за нашу и вашу вольность" был принцип выдвинутый певцом польского освобождения, Адамом Мицкевичем: „...народы только тогда развиваются и постольку имеют право жить, поскольку служат всему человечеству, поддерживая или же охраняя какую-либо великую мысль или возвышенное чувство". *)

Поддерживание и защита великой прометейской идеи было, есть и будет для Польши путем к могуществу и величию, путем, который ковали все наисветлейщие и одновременно наиболее победные умы современной Польши, начиная от фактического создателя польского освобождения Юзефа Пилсудского и кончая Его верными солдатами: Адамом Скварчиньским, Тадеушем Холувко, Юлианом Стахевичем и иными.

Но наряду с этим прекрасным, идейным и неизменным вниманием Польши и поляков к вопросу освобождения своих вчерашних товарищей по недоле (основанном на глубоко осознанном принципе взаимной зависимости судеб Польши и народов сегодня еще угнетенных), существуют и сугубо актуальные политические причины, заставляющие Польшу интересоваться прометейскими вопросами. Таковыми являются безудержные, не считающиеся ни с чем, акты антипольской работы Коминтерна.

Третий интернационал в Москве, принимая на себя роль реализатора разрушительных задач русского империализма, изменил лишь методы деятельности. Он провозгласил лозунг „освобождения" Вос-

*) A. Mickiewicz — „O duchu narodowym".

тока и народов, не имеющих собственного государства, на Западе, причем для вящей убедительности окружил себя кольцом псевдо-независимых „национальных республик". Эти республики должны служить магнитом для тех одноплеменников, которые находятся вне их пределов в составе соседних государств.

Т. н. Украинская сов. республика имела задачу поглотить польско-украинские земли, тоже самое должна была совершить советская Белоруссия по отношению северо-восточных окраин Польши.

Аналогичная задача была поставлена советскому Азербайджану по отношению Азербайджана персидского. Бурято-Монгольская республика выполнила свою роль в отношении Монголии, облегчая советизацию и фактический захват Внешней Монголии.

Поэтому-то также, как на лозунг „освобождения" Кореи и ниппонского пролетариата и угрозу советизации Китая Ниппон ответил действительным освобождением Манджурии от кочующего коммунизма и сдерживает в надлежащих границах „широкую натуру" наглого московита своими планами отрыва части Сибири и Дальне-Восточного края, а также угрозой открытой борьбы с „большевизмом" вообще, — так само и на основе тех же самых причин возникает необходимость создания Контр - Коминтерна, протектором которого должна быть Польша. Повторяем, что сегодня, в 1935 году, — также, как и прошлом году, — Коминтерн ведет свою работу на территории Польши. По-прежнему существует польская секция Коминтерна, по-прежнему почти каждый номер журнала „Коммунистический интернационал" — официального органа исполкома Коминтерна, издаваемого при соучастии Сталина и Молотова (премьер-министра СССР), — помещает материалы о „достижениях" коммунистической партии „Западной Украины и Белоруссии", приводя результаты тайных заседаний этой организации, помещая резолюции последних и постановления с'ездов, цитируя нелегальные издания и т. д. По-прежнему, несмотря на подписание пакта о неагрессии, целый ряд советских газет, а также специальные массовые издания, пропагандируют идею раздела Польши на „Западную Украину", „Западную Белоруссию", на территорию „народа Силезии" и „народа Приморья". *)

В этих условиях всякий фальшиво понятый лойялизм с польской стороны был бы лишь доказательством трусости и слабости и способствовал бы усилению враждебной подпольной акции. Только явной и открытой — так, как явной и открытой, массовой и всемирной есть акция Коминтерна, — должна быть прометейская акция в Польше и во всем мире. Мы, поляки, не угрожающие никому, должны помнить, что осязательный источник, инспирирующий наше реальное и конкретное заинтересование проблемами угнетаемых СССР народов, бьет фонтаном, что Советы проводят работу кротов на наших землях, на всем протяжении наших политических границ.

Специальная актуализация международных отношений Польши в настоящий момент, так много говорящая на фоне нашего возможного участия в событиях на Востоке или Западе (вероятнее всего, однако, на Востоке) — особенно поднимает значение прометейских проблем и диктует необходимость занятся ими, наконец, серьезно и обстоятельно.

---

*) Секерский — „Комсомол Польши"; Огиз, 1934.

Андемыркан

Ниппон и Россия

Противоречия интересов Ниппона и России и конфликт между этими государствами на азиатском материке были неизбежны. Модернизация Ниппона и начало империальной экспансии обновленного государства в направлении близлежащего материка предсказывали эту развязку.

Уже перед XIX столетием тяготела над ниппонскими островами опасность русской анексии, закончившаяся однако лишь захватом Россией Сахалина. Возрождение Ниппонской империи и ее быстрое развитие исключили возможность политического контроля не только со стороны России, но и со стороны какой-либо иной западной державы.

Война 1895 г., окончившаяся победой Ниппона и принесшая ему первые территориальные приобретения за счет Китая, ярко выявила, что Россия будет проти-

виться укреплению Ниппона на Западном побережье Тихого океана и дальнейшему продвижению в глубь материка.

Таким образом, на землях манджурско-монгольских, составляющих северо-восточные окраины Китая, встретились острия экспансии русской и ниппонской и вступили в яростную борьбу, которая продолжается до сегоднешнего дня.

Россия начала свою экспансию на восток еще в XVI ст., перешагнув Урал после захвата Казанского ханата, и уже в XIX ст. господствовала на огромных пространствах Сибири и на побережье Тихого океана от Камчатки до Корейского полуострова. На юге русские владения достигли, за счет Китая, линии Амура, а в девяностых годах (XIX в.) Россия приступила к захвату Монголии, завоевав перед этим Западный Туркестан. Тогда же русское влияние распространилось и на Манджурию и Россия утвердилась на Ляодунском полуострове, который она получила в результате интервенции во время мирных переговоров, закончивших ниппоно-китайскую войну 1895 года.

Утвердившись на территории южной Манджурии, Россия стала непосредственно угрожать Кореи, стремясь установить в последней свой протекторат.

Это давление на Корею вызвало русско-ниппонскую войну, в результате которой победоносный Ниппон получил Ляодун и южную Манджурию и, изгнав Россию из Кореи, облегчил себе в дальнейшем окончательное присоединение к империи этой страны (в 1910 г.).

Портсмутский трактат завершает первый период в развитии ниппоно-русских отношений Этот период заканчивает первую стадию имперского развития Ниппона, отдавая в его руки фактическое господство в системе морей: Охотского, Ниппонского, Желтого и Китайского и создавая из них ниппонское „mare nostrum“. На западных берегах этого обширного бассейна Ниппон создает „place d'arme“ для дальнейшего похода на запад - в направлении Монголии и монгольских земель восточной Сибири.

Победа Ниппона нашла широкий отклик среди монгольских, тюркских и тунгусских народов и племен, находящихся под игом России, и вызвала среди них новый под'ем освободительных стремлений.

Русское господство на захваченных Россией землях Сибири никогда не было спокойным. Владычество России ослабляло экономически и денационализировало эти пространства. Народы и племена вели здесь в течении веков непрерывную борьбу с иноземным нашествием и вооруженные восстания вспыхивали с одинаковой силой и в Якутии, Хакасии, Ойратии и в Бурято-Монголии. Слабой стороной всех этих антирусских национальных движений было то, что они были обособлены, разбросаны, располагали недостаточными количественно кадрами и слабой техникой. После 1905 г. все угнетаемые монгольские народы и племена восточной Сибири начинают ориентироваться на Ниппон, расматривая победоносную империю, как своего естественного союзника и возможного покровителя.

В конце концов освободительные стремления бурятов, ойратов, якутов и др. народов приобретают ту идеологическую окраску, которая в настоящее время называется паназиатизмом и основана на идее солидарности всех народов желтой расы, выдвигая на первый план Ниппон в качестве покровителя и руководителя движения.

Второй период ниппоно-русских отношений наступил после 1905 г. и был заключен мировой войной. В этот период развивается соперничество этих государств в Манджурии, в котором определенно вырисовывается преимущество Ниппона. Одновременно в орбиту политической игры втягивается и Монголия, которая благодаря этому освобождается из под гегемонии Китая. Здесь, во Внешней Монголии, преобладают русские влияния.

В третий период, начало которого совпадает с концом мировой войны и который закончился в 1922 г., Ниппон приступает к энергичному продвижению на запад, охватывая Монголию и всю восточную Сибирь от Байкала и до Владивостока. Вооруженной рукой Ниппон занимает сибирскую железнодорожную магистраль на восток от Верхнеудинска, а также Амурскую жел дорогу, созидая таким образом стальной перстень вокруг всего комплекса монголо-сибирских земель, которые становятся ареной новых и смелых политических экспериментов

В этот период Ниппон старается реализировать на упомянутых землях „Великое Монгольское государство“, которое должно об'единить в особый политический организм все монгольские народы. Культурный и политический центр созидаемого государства намечен был в Урге—столице Внешней Монголии.

Однако, усилия эти не достигли цели, т. к. „панмонголизм“, практическим результатом которого должно было бы быть „Ве-

ликое Монгольское государство", оказался еще слишком слабой силой для об'единения и удержания за собой столь обширных пространств.

Под конец рассматриваемого периода— приблизительно в 1921 г. — Россия, поддерживаемая до некоторой степени С. Ш. Северной Америки, заставляет Ниппон отойти с занятых земель к исходным базам в южной Манджурии.

От 1922 до 1925 г.г. – т. е. от момента ухода ниппонских сил из Сибири и до момента подписания Пекинского трактата с Китаем и трактата с Ниппоном—Россия подготовляет основы для активизации своей политики на Дальнем Востоке и принимает участие в концерне тихо-океанских держав, как полноправный и равный иным партнер.

От 1925 г. начинается усиленное распространение русского влияния в Манджурии, которое начинает угрожать Ниппону даже в его континентальных твердынях: в Южной Манджурии и Кореи. Наступление это, однако, задерживается вследствии русско-китайского конфликта в 1929 году.

Несмотря на победу России в этом конфликте, завершившуюся договором в Хабаровске, Ниппон, воспользовавшись неурядицами в Европе и небывалым экономическим кризисом в Соединенных Штатах, приступает в 1931 г. к известным уже действиям, которые в результате привели к созданию Манджу-Го.

Манджу-Го завершило полной победой Ниппона третий период ниппоно-русских отношений, в который Россия была совершенно изгнана из Манджурии (продажа Северо-Манджурской жел. дороги) и, самое главное, была выдвинута на порядок дня монгольская проблема, неразрешенная во времена пребывания Ниппона в Сибири.

Манджу-Го становится этапом на пути полного освобождения монголо-сибирских народов и поэтому то оно не только изменяет политическую конфигурацию Дальнего Востока, но и гласит дальнейшие изменения, которые могут охватить Туркестан, монгольские земли, Восточную Сибирь и даже более отдаленные на запад пространства.

* * *

В настоящее время наступает новая стадия ниппоно-русского конфликта, о которой свидетельствуют усиленные приготовления к решительным действиям с обоих сторон.

Манджу-Го не является конечным результатом ниппонских континентальных устремлений оно лишь дало мощную базу для ее мероприятий и указало пути, по которым должны направляться эти устремления *). Являясь наглядной пропагандой идеи панмонголизма, за которой развертываются еще более мощные установки паназиатизма, — Манджу-Го сцементовало столько сил и вызвало такую массу новых идеологических процессов на материке, что современное „status quo" на Дальнем Востоке, охватывающее всю Монголию, Туркестан и пространства Восточной Сибири, — вероятнее всего — должно будет подвергнутся изменениям **).

Стремления Ниппона к утверждению на всем западном побережье Тихого океана являются вполне естественными. Они диктуются не только желанием удержать в своих руках Манджурию, но и велениями общей безопасности империи, для которой наличие мощной враждебной силы у западных границ представляет постоянную угрозу. Вся эта политика основывается на чрезвычайно жизненных и важных для Ниппона экономических и популяционных проблемах ***). Для разрешения этих

*) События последнего времени (занятие Чахара, установление японскаго контроля над Внутренней Монголией) подтверждают наши предположения.

**) По всем данным, Внешняя Монголия уже вступает в тот процесс, первым этапом которого было создание Манджу-Го.

***) Нижеприводимые данные ярко свидетельствуют об этом:

Территория Ниппона (острова метрополии и иные владения) равняется 674.381 кв. клм, с населением около 100.000.000 чел. По плотности населения Ниппон уступает только Англии, Бельгии и Голландии (конечно, без колоний). Пространства Ниппона, равняясь $1/_{20}$ пространств С. А. Соед. Шт., дают убежище почти такому же количеству населения, как и в Соед. Шт. С. А

Острова Ниппона не могут даже в скромной мере удовлетворить потребностей быстро увеличивающегося населения (натуральный прирост 15 на 1000) и имеют весьма ограниченный запас натуральных богатств (напр., продукция нефти удовлетворяет только 15% потребления). Ко всему этому необходимо добавить наличие частых землятресений, которых в среднем ежедневно бывает по 3. Между тем, на блиском материке простираются огромные, почти пустынные, пространства. Русский Дальний Восток, равный почти 4.000.000 кв. клм. (или в 10 раз превыщающий пространство Ниппонских остовов), с 2.000.000 населения (в 30 раз меньше населения собственно Ниппона), земли сибирско-монгольские (Забайкалье, Бурято-Монг. респ., Танну-Тува), равные почти 1.000.000 кв. клм., Монголия (Внутренняя и Внешняя) и Манджурия — вместе более 3.000.000 кв. клм., Зап. Туркестан с территорией почти в 2.000.000 кв. клм. — все эти земли имеют население, равное едва-ли $3/_4$ населения ниппонской метрополии.

проблем Ниппон имеет только одну дорогу — дорогу на запад, на близлежащий материк, где имеются обширные слабонаселенные пространства, с обилием разнообразных естественных богатств и неисчерпаемыми колонизационными возможностями.

Обе соперничающие на Дальнем Востоке стороны отдают себе ясный отчет в создавшемся положении, и мы видим в каждой из них энергичные приготовления к окончательному розыгрышу. Приготовления эти вызывают различные перегруппировки внутренних сил сторон и влияют на возникновение в них глубоких экономических преображений. Одновременно происходят радикальные изменения и во внешней политике Москвы и Ниппона. Первая усиленно ищет союзников и готова даже отказаться от пропаганды на Востоке и в колониях, дабы приобрести симпатии Англии, Франции и Соединенных Штатов. Готовится к событиям и ниппонская дипломатия. Недавний визит имератора Пу-И в Токио, а также пребывание там специальных представителей маршала Чан-Кай-Ши свидетельствуют об этом. Следует упомянуть и о своеобразном азиатском „антикоминтерне", который в лице т. н. „Ассоциации Великой Азии" возник в 1933 г. в Токио. Конгрессы этого учреждения происходят ежегодно, собирая со всех концов восточной Азии представителей желтой расы.

Наряду с этим оба государства в усиленном темпе проводят военные приготовления.

Ниппон организует стратегические базы в Манджурии, соединяя их новыми железнодорожными линиями с портами Кореи (Юки и Расин), специально оборудованными на случай военных действий на материке. Усиленно подготовляются также морской и воздушный флот путем увеличения и технического совершенствования. Большое внимание обращается на подготовку технических кадров для армии и ее моторизацию и механизацию, как равно и на милитаризацию широких масс населения.

Не менее интенсивно и, вероятнее всего, с еще большим напряжением вооружается Россия. На русском Дальнем Востоке находится специальная армия (с кадрами военного времени), в задачу которой входит не только охрана границ, но в случае нужды и наступательные действия. С последней целью особенное внимание обращено на увеличение воздушных сил и создание для них удобных операционных баз*).

Вдоль границы с Манджу-Го, по берегу Амура, Россия выстроила сеть укрепленных пунктов, в ближайщем тылу организованы провиантские склады и склады военных припасов, которые должны обеспечить быстрое снабжение дальне-восточной армии.**)

Как первая, так и вторая „пятилетки" были использованы для создания новых промышленных центров в Сибири и отчасти в Туркестане. Был создан Магнитогорск (металлургия), построены новые машиностроительные заводы в Свердловске, в Челябинске организовано производство тракторов, возник Кузбасс (уголь и металлургия) и т. д.

Лихорадочно строит Россия и новые пути сообщения, в первую очередь имеющие стратегическое значение: Турксиб, гигантские тракты, пересекающие северную Сибирь параллельно сибирской жел. дороге и простирающиеся до океана, наконец, т. н. „великий северный морской путь" от Архангельска и до пролива Беринга.

Эта мобилизация двух государств, подготовляющихся к решающей схватке, напрягает внимание не только тех, кто активно участвует в политической игре в бассейне Тихого океана, но и тех, кто томится в русской „тюрьме народов" и для которых грядущие исторические бури принесут освобождение.

---

*) Одной из таких баз является Владивосток, из которого воздушный флот может угрожать важнейшим промышленным и политическим центрам Ниппона.

**) Для облегчения себе этого задания советское правительство в 1933 г. издало декрет, который освободил население Восточной Сибири и Приамурской области от целого ряда государственных повинностей и значительно облегчил режим коллективизации.

Темур Базырыкхо

Аппетиты не по чину

Нация, находящаяся в периоде конструкции, еще не заложившая — в лице самостоятельного государства — твердых основ для своего развития, должна соблюдать в пропаганде национальных устремлений сугубую осторожность. В этот период — в особенности — пропаганда не может стоять в резком противоречии с действительным состоянием вещей и действительными возможностями нации, не может питать массы винигретом идеологических эфемерид, а главное, не должна наживать врагов там, где могут быть или же имеются друзья. Национальная пропаганда, не соблюдающая этих условий, должна быть названа провокационной.

К сожалению, не все общественные круги народов, об'единенных клубом „Прометей", понимают основы национальной пропаганды так, как понимаем эти основы мы и идущие с нами рука об руку ответственные представители этих народов. Говоря так, мы имеем в виду пропаганду некоторых украинских кругов и учреждений, которая, прикрываясь маской „научной об'ективности" и освободительными стремлениями украинского народа, является в сущности пропагандой будущих украинских захватов.

Итак, несколько лет тому назад мы имели возможность ознакомиться с картой „Украинского бюро" в Лондоне (The Ukrainian Bureau in London), на которой в число украинских национальных земель включены не только весь восток Чехословакии и Румынии, но и большая часть Польши, Крым и почти весь Северный Кавказ включительно до Суюндж-Кала (Грозного) и берегов Сулака.

Недавно на страницах „Польско-Украинского бюллетеня" некий г. Кубийёвич, имеющий научный титул доцента Львовского университета, демонстрировал „Украинские этнографические земли в СССР", в которых, наряду с Доном, с частью Идел-Урала и т. д., включил опять-таки Крым и Северный Кавказ.

В селах Малопольши (Галиции), среди украинского населения, курсируют книги для „народного чтения", в которых руками безмозглых шовинистов возрождается легенда о „праукраинской" сущности Северного Кавказа и о „Южной Украине" — Тмутараканском княжестве, существование которого на Северном Кавказе ничем — кроме пресловутой надписи, „найденной" русским дессантом (в составе регуллярных войск и запорожских вселенцев) в первые же дни (!) занятия Тамани (1792 г.) — подтверждено не было. *)

Но особенно распоясались в пропаганде украинских захватов авторы недавно изданного „Украинского статистического ежегодника" (в числе их находится и вышеупомянутый Кубийёвич) *), а также некий „Ханук-бек" (псевдоним — по всей вероятности, куб. казак—украинец), подвизающийся на страницах, казалось бы, серьезного галицийско-украинского ежемесячника „Вістник". **)

На этих двух образцах неумной пропаганды мы остановимся более подробно, т. к. они являются наиболее характерными — снабжены аргументацией и иллюстрируются цифровыми данными, стараясь казаться об'ективными.

Г-н „Ханук-бек" утверждает, что „т. н. государство «Северный Кавказ»" образовалось „в Париже всего лишь в 1934 году". Правда — признает он „великодушно" — „на Кавказе, до оккупации белыми, существовала, хотя и короткое время, республика „Горцев Северного Кавказа", которая занимала приблизительно Дагестанскую область и имела около 800—900 тыс. населения. Оккупировала ее сначала

---

*) Надпись эта гласит, что князь Глеб в 1068 г. измерял „по льду" („предусмотрительно"!) расстояние от Тмутаракани до Керчи, и приводит измеренное расстояние. Кроме камня с этой надписью, несмотря на многочисленные раскопки и многие находки скифско-сарматского (северокавказского), греческого и итальянского (Генуя и Венеция) прошлого, до сих пор не найдено ни что, чтобы указывало на присутствие здесь (на Тамани и вообще до линии Дона) не только праукраинского, но и праславянского поселения. Не надо забывать при этом, что, по имеющимся данным, Тмутаракань была богатым и благоустроенным (по тем временам) городом и что многие памятники тех времен (в виде древних церквей, городских стен и т. д.) неоднократно были обнаруживаемы уже на нашей памяти, например, в современном Тмутаракани, Киеве. Не надо забывать также, что „надпись князя Глеба" служила для царской России „моральным оправданием" оккупации черкесских и ногайских земель по правому и левому берегу р. Кубани. Пользуются этой надписью и большевики.

*) „III Український Статистичний Річник"— „III Ukrainian Statistical Annual"— 1935 — ред. ком.: др. В. Кубийёвич, Л. Лукасевич, Е. Чехович — Львов.

**) „Вістник" № 7 — 8, 1935, Львов.

Добрармия ген. Деникина, который для управления этим краем легко нашел руководителей среди (самих) горцев. В эмиграции группа горцев, издававшая журнал „Горцы Кавказа", а с 1933 г. „Северный Кавказ", расширила территорию бывшей республики на пространства всего левобережья Кубани до Черного моря, увеличив эту территорию в несколько раз, а население в 4 раза. Согласно этого расширения оккупировано большую часть Кубанского края с населением около 2·5 мил. человек. *) Новое государство названо „Северным Кавказом". Все эти фантастические создания (утвори) не выдерживают опыта жизни".

Из другого места „откровений «Ханукбека»" мы узнаем, что все национальности „Кубанского края" (в том числе и представители северо-кавказской нации, существование которой он, между прочим, не признает) были „лойяльными" гражданами „Кубанского Края" и „в недавнем прошлом не требовали даже персональной автономии" — так им пришлась по душе „ненька-Кубань".

Таковы „об'ективные" доводы „Ханукбека", которыми он старается начинить легковерного украинского читателя.

Разберем — насколько они правдивы и основательны...

Если даже, как это делает „Ханукбек", отбросить исторические факты не так отдаленного прошлого, когда Северный Кавказ поражал мир упорством в защите своей независимости, и исходить только из тех времен, свидетелем и участником деяний которых был сам „Ханукбек", — то и в этом случае мы утверждаем, что национальная воля Северного Кавказа была выражена гораздо более мощно, чем таковая же воля „Кубанского Края", которому г. „Ханук-бек" упорно хочет навязать роль украинской провинции.

Республика Северного Кавказа (у „Ханук-бека" — „Республика Горцев Северного Кавказа") была установлена приблизительно в тех границах, которые отстаиваются и ж. „С. К." (см. „Декларацию независимости"), и, хотя она „существовала короткое время", а Деникин „легко нашел руководителей (правителей) среди самих горцев", — ее независимость была несравнимо более полной ,чем независимость „Кубанского Края" г. „Ханук-бека".

*) С которого потолка взяты эти цифры, г. „Ханук-бек"? Вам должно быть хорошо известно, что во всей Куб. обл. до войны насчитывалось всего около 3.000.000 человек.

Не нужно забывать, что войскам Деникина никогда не удалось занять нагорной части Северного Кавказа, что Добрармия вынуждена была держать на своих тылах значительные силы, ведущие упорные бои с северо-кавказскими повстанческими отрядами,*) и никогда ни одна из мобилизованных Деникиным горских частей не принимала участия в военных действиях против этих отрядов.

В „Кубанском Крае" же, г. „Ханукбек", от начала и до конца полновластно распоряжался Деникин, и Кубанская краевая рада, за исключением небольшой группы „самостийников" (точно, кажется, 11 человек, в числе которых, возможно, были и Вы, г. „Ханук-бек"), не только не противодействовала этому, но, наоборот, неоднократно одобряла в своих постановлениях. Драма, жертвой которой пал Калабухов, была разыграна кубанскими персонажами — Деникин был только режиссером, а главный исполнитель, Покровский, хотя и не „коренный гражданин Кубанского Края", являлся тем, кого рада наградила перед этим „великими и богатыми милостями". Единственный голос протеста, раздавшийся в этот трагический момент в „Кубанском Крае", был голос черкесского генерала и этот, именно, голос не допустил до того, чтобы драма приняла более широкие размеры.

Но этот голос не диктовался той „лойяльностью", о которой говорит „Ханукбек". „Лойяльность" к „Кубанскому краю" в те времена означала покорность в отношении Добрармии и ее командования, в руках которого безвольным орудием было тогдашнее большинство Краевой рады и куб. правительство. „Лойяльными" были те кубанские полки, которые по приказу Деникина громили горские аулы и оцепили столицу „Кубанского Края" в день казни Калабухова. Это — „лойяльность" ревностных исполнителей.

Черкесская же „лойяльность" была иного порядка. Она не позволила черкесским частям действовать против горских аулов весной 1919 г., когда черкесские полки участвовали в окончательном разгроме XI сов. армии. Она заставила черкесские ча-

*) Правда, в горах Зап. Адыгеи действовали против Доб. армии и не-горские части, но это были отряды „черноморских" эс-эров и банды „зеленых" полубольшевиков и большевиков. Только под конец добровольщины в плавнях около Екатеринодара появились небольшие группы повстанцев, которых лишь с основательной натяжкой можно назвать сторонниками течения, представляемого „Ханук-беком".

сти нарушить приказ и тогда, когда Деникин хотел их двинуть к границам Грузии. Наконец, она проявлялась в поведении черкесских делегатов Рады, а также и в упомянутом нами выше выступлении черкесского генерала.

Но не являясь „лойяльностью" большинства граждан „Кубанского Края", она не была и тем, чем хочет ее представить г. „Ханук-бек". Отношение к Деникину диктовалось реальными возможностями борьбы кубанских северо-кавказцев с деникинским централизмом, при тогдашних настроениях и обстановке в „Кубанском Крае" более чем минимальными. Симпатии же к к куб. самостийникам (то, что „Ханук-бек" называет „лойяльностью") исходили из тех же чуств, из которых исходим и мы — „группа горцев, издающих «Северный Кавказ»". Кубанские самостийники рассматривались (и рассматриваются еще) северо-кавкасскими деятелями, как возможные союзники в предстоящей борьбе и группа, способная учесть справедливость национальных требований Северного Кавказа.

Северный Кавказ не только борется за восстановление исторической справедливости и воссоединение нации, но и стремится восстановить нормальные условия для своего существования и дальнейшего развития. На чьих-то задворках — пусть даже украинских — он никогда не согласится прозябать. Г.г. „Ханук-беков" просим об этом не забывать...

Тактика авторов „III Укр. стат. ежег." существенно разнится от тактики „Ханук-бека". Здесь не делается никаких выводов и все основано на длинных колоннах цифр и статистических диаграмм. Но тенденция одна и та же. Авторы, „созидая" Украину „от Карпат и до Урала", пытаются доказать украинский характер обширных земельных пространств, никогда не входивших в состав Украины.

Правда, в начале, в скромном примечании и только по-украински („Ежегодник" снабжен параллельным английским текстом), хотя и делается оговорка, что не все рассматриваемые земли являются „сплошными украинскими землями" и что, например, „Северо-Кавказский край" только частично может быть отнесен к таковым, а Крым, который в предыдущем издании был зачислен в „сплошные", ныне переводится в „частичные" — но, все же, в дальнейшем говорится, что не только Туапсе, Майкоп и т. д. „находятся на украинской территории", но и нефтепровод „Грозный—Махач-Кала", „Грозный—Туапсе", Садонские рудники и т. п. — все это является „украинским".

Нас удивляет — почему авторы „Ежегодника" не включили в число „украинских земель"... Канаду, а в число городов на этих землях, например,.. Чикаго. Ведь и там существует украинское население, а главное, в гораздо большем количестве и пропорциях, чем, например, в Крыму и на Северном Кавказе... Может быть это об'ясняется тем, что г.г. Кубийёвичи, будучи уже в рангах министров созидаемой ими „Украины", предпочтут проводить летние каникулы не на Флориде, а в Сочи или Ялте, используя для министерских автомобилей „свой", майкопский или суюндж-калинский, бензин — между прочим, лучший в мире.

Удивляет нас и методика статистических исчислений национального состава населения „украинских земель", в результате которой на пространстве „всех украинских земель" („от Карпат и до Урала") количество украинского населения достигает 70·3% и разнится от количества этого же населения на „сплошных укр. землях" только на 5·5% (на „сплошных землях" украинцев, по Кубийёвичу, 75·8%).

Здесь г. Кубийёвич, автор демографических таблиц в „Ежегоднике", определенно передергивает.

Это особенно бросается в глаза на примере Крымск. ССР и „Северо-Кавкасского края" (последний—так, как и у г. Кубийёвича, в старом виде—до раздела—и, принимая во внимание „нефтепровод Грозный—Махач-Кала на укр. землях", с Даг. ССР), которые включаются г. Кубийёвичем отчасти в число „сплошных", а отчасти в число „смешанных украинских земель".

Относительно Крыма можно коротко сказать, что в нем из 16 админ. районов только один (Ишуньский) является украинским.*) Сюда, следовательно, г. Кубийёвичу вообще не нужно было совать носа.

Что-же касается количества украинского населения в „Сев.-Кавк. крае", то здесь у нас нет точных данных. Но этими данными не располагает и г. Кубийёвич. В одном из своих примечаний он указывает, что пользовался данными советской переписки 1926 г., в другом же ссылается на книгу О. К. Константинова — „СССР по районам—Северный Кавказ", где автор при исчислении национального состава

*) „Админ.—территориальное деление Союза СССР", изд. „Власть советов", 1934.

населения исходит также из данных переписи 1926 года.

И вот, у Константинова количество укр. населения в „Сев.-Кавк. крае" (без Даг. ССР) показано в „примерно 11%", а коренного северо-кавказского, называемого им „туземцами" (ковычки Кон-ва),— в 10·94%. Если прибавить к последней цифре „туземцев" Даг. ССР (исходя и здесь из советских данных), то она повысится по крайней мере до 17—18%.

В точность советской статистики мы не верим—особенно там, где говорится о национальном составе населения. Мы знаем, что советская статистика также, как в прежние времена статистика царская, старается всюду элемент русский выдвинуть на первый план. Поэтому мы не разделяем данных Константинова (а, следовательно, и переписи 1926 г.) не только относительно северо-кавказцев, но и украинцев „Северо-Кавкасского края".

В последнем случае для нас наиболее показательны данные об „украинизации" некоторых районов „Сев-Кавк. края", которая — как известно, наверное, и г. Кубийёвичу — усиленно проводилась в 1927—1933 г.г., а затем не менее энергично была прервана и вскоре совершенно ликвидирована. Украинизация тогда охватила всего 20 районов, из которых только один (Абинский, наименьший из всех районов) лежит по левому берегу Кубани, в пределах Северного Кавказа. Мероприятие носило явно антирусский характер и все свидетельствовало о том, что высокие советские круги (вероятнее всего, среди украин. коммунистов) ей покровительствуют.*) Поэтому то она охватила все, что можно было охватить.

Всякий, действительно разбирающийся в обстановке на Северном Кавказе и на соседних пространствах Дона, Кубани и Ставрополья, должен признать, что авторы украинизации, несомненно в своем роде украинские патриоты, не могли распространить украинизацию на другие районы по той простой причине, что там украинское население составляло слабое меньшинство — особенно на территории Северного Кавказа.

Не надо забывать и то, что то население, которое поселено было на Северном Кавказе, как этнически украинское,— давно уже в большинстве перестало быть таковым. Великорусский элемент, вселяемый одновременно с украинским в одни и те же станицы и села, во многих местах поглотил и растворил в себе последний. В этих случаях нéкого уже украинизировать.

Наконец, проповедники украинского великодержавничества должны помнить и то, что Западная Адыгея (сиречь „Закубанье"), которая особенно „раздражает" их аппетиты, на один украинский район (Абинский) имеет 3 горских области и 1 район (Шапсугский), 1 нем. район (Вановский), 1 греческий (того же названия), 1 греко-армянский (Горячеключевский), преобладающее количество греков и армян в южных районах б. Черном. губ. (начиная от Геленджикского), значительное количество черкесов, ногайцев и черкесо-армян в Армавирском районе и черкесов в Анапском районе, а также по всей горной полосе, где до революции были расположены черкесские „коши" (пастбища).

Все эти и подобные факты для авторов „Ежегодника" не существуют, как не существуют они и для „Ханук-беков" и различных безответственных „бюро".

Бессмысленность и вредность подобной тактики — очевидна. Она не только может вызвать сомнения в сердцах народов, борющихся руку об руку с Украиной за свою независимость, но и способна стать причиной реакции тех „сильных мира", кому отнюдь не улыбается создание в бассейне Черного моря и на путях к Ближнему Востоку „второй России" в лице „Украины" г.г. Кубийёвичей и „Ханук-беков".

Необходимо умерить аппетиты... Нельзя брать „не по чину...".

*) Особенно показательно то, что ликвидация украинизации в „Сев.-Кавк. крае" почти совпадает со смертью Скрипника и репрессиями против компартии Укр. ССР.

Джанхот

Вольно-казачье движение в нашем понимании

Совершенно случайно мы получили возможность ознакомиться с майским номером газеты „Единство и Независимость" (№ 2, 25 мая 1935 г.), в котором помещена статья г. С. Тищенко, озаглавленная — „Вольно-казачье движение в пони-

мании горцев из журнала «Северный Кавказ»" и являющаяся ответом на нашу заметку (см. № 5—6 ж. „Северный Кавказ") по поводу статьи в „Казакии" — другом вольно-казачьем журнале.*)

Автор статьи, г. С. Тищенко, пытается доказать необоснованность нашего, скажем, скептического отношения к вольно-казачьему движению в его настоящей форме, стараясь одновременно пошатнуть и исходные позиции северо-кавказского национального движения (напр., „ехидный" вопрос г. Тищенко: „...а сколько процентов горцев на Северном Кавказе?"). В заключительной части статьи он „тихой сапой" подводит подкоп под общекавкасское единство, начиняя его целым рядом цитад, долженствующих — по его мнению — свидетельствовать о „мусульманском" характере подписанного Пакта Кавкасской Конфедерации и о решающем влиянии, при реализации этого акта, „внешних сил" в лице Турции.

Заключает свою статью г. Тищенко следующими словами:

„Казачество и горцы, быть может, еще раз станут свидетелями того, как перед лицом общей опасности, во имя общего фронта (как это было в период последнего восстания в Грузии), исчезнет формальная разница между Кораном и Евангелием, когда во главе восставших мусульман стояли христианские священники, а мусульманские имамы приводили к присяге шиитов, суннитов и христиан"...

И далее —

„Через голову эмигрантской кабинетной политики, минуя сети интриг и хитросплетений, действительность сама подскажет горцам и казакам, что лучше: или быть плохими, но самостоятельными, соседями или иметь над собой хорошего(?), но чужого „хозяина". А он, „хозяин", неминуемо останется, если казакам суждено будет самим защищаться и от „хозяина" и...от соседей".

Так упрощает г. Тищенко сложный вопрос кавкасско-казачье-русских или, что также возможно, кавкасско-казачье-украинских отношений, считая, видимо, что эта упрощенная формула (если с казаками „не договоримся", то „хозяин" останется) является тем „неопровержимым аргументом", который заставит нас перейти из лагеря „безкомпромиссных противников единого фронта Северного Кавказа с казаками, мыслящими себя в рамках самостоятельной Казакии", (так определяет нас г. Тищенко) в лагерь сторонников такого „фронта".

Для того, чтобы „вольный казак" мог уяснить себе НАШЕ ПОНИМАНИЕ ВОЛЬНО-КАЗАЧЬЕГО ДВИЖЕНИЯ, ему необходимо проникнуться бо́льшим критицизмом к КАЗАЧЕСТВУ ВООБЩЕ, освободиться от великодержавной психологии и выбросить из своего полемического арсенала великодержавную аргументацию.*) Необходимо, также, исходить при этом „из реального положения" вещей и только это положение брать во внимание при выборе „истинного пути для действия". (Последний совет нами заимствован у г. Тищенко, который опрометчиво предназначает его нам; мы его с неизмеримо большим основанием возвращаем в адрес г. Тищенко и др. идеологов вольно-казачьего движения).

Основной ошибкой идеологов вольно-казачьего движения является то, что они слишком легкомысленно ставят знак равенства между настроениями „вольных казаков" и настроениями всего казачества и, исходя из этого, измеряют свои силы силами всего казачества. Вместе с этим, они, без всякого к тому основания, обобщают природу казачества, возводя ее генезис по меньшей мере ко временам атамана Булавина и Запорожской сечи.

На самом же деле, факты недавнего и более отдаленного прошлого не дают права для таких обобщений. „Казачество" большинства казаков исчисляется всего на всего несколькими десятками (максимум 100—120) лет и этот момент является определяющим для тех путей, по которым шло и будет итти большинство казачества. Свои современные формы казачество получило в период наивысшего развития русского империализма, служа его форпостом и получив от него большинство того, на что оно сегодня претендует.

Для иллюстрации сказанного приведем некоторые факты из истории создания Кубанского и Терского войск, наиболее нас — северо-кавказцев — интересующих, удельный вес которых в общей массе казачества значителен и которые, следовательно, в большой степени предопреде-

*) Газ. „Един. и Незав." и журн. „Казакия" издаются группой казаков-сепаратистов, которая года 2 тому назад откололась от группы журн. „Вольное Казачество — Вільне Козацтво" — редакция.

*) В отношении „великодержавной аргументации" статья г. Тищенко является приятно удивившим нас шагом вперед: в ней нет ссылок ни на пресловутые „казачьи права", восходящие к праотцу Адаму, ни на „острия казачьих пик и сабель" и т. п. галиматью.

ляют успех или неуспех вольно-казачьего движения. Факты эти с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что романтика булавинских и пр. восстаний не в силах будет приобщить здесь массы к вольно-казачьему движению, ибо последние с этими восстаниями (и вообще с историей прежних казаков) связаны не более, чем, например, массы Украины и внутренних областей России.

Итак, история русской колонизации т.н. Кубани (и Терека) говорит нам, что собственно казачий элемент принимал в ней минимальное участие. Кубань (и Терек) заселялись преимущественно или ново-казаками или же крестьянами, которые уже на месте обращались в казачье сословие.

Основную массу первых переселенцев на северо-западный Кавказ составили запорожцы, которые в числе около 25000 душ были поселены в 1792—94 г.г. Екатериной II по правому берегу Кубани на черкесских и ногайских землях (предварительно „очищенных" от коренного населения войсками Суворова), образовав здесь 40 „куреней" (ныне станиц). Но уже в последующие годы (до 1811 г.) к этой в основном казачьей массе было вселено 41634 душ крестьян из Черниговской и Полтавской губерний. Таким образом, уже в начале XIX ст. основная казачья масса т.н. Черноморья растворилась во вновь нахлынувшей массе крестьянства.

В 1794 г. около 1000 переселенных семейств донских казаков образовали (при укреплениях) станицы: Усть-Лабинскую, Кавкасскую, Григориполисскую, Прочноокопскую, Темнолесскую и Воровсколесскую. В последующие годы эти станицы были пополнены переселенными крестьянами, отставными солдатами и т. д. еще в большей степени, чем „курени" запорожцев.

В 1797—1801 г.г. в северо-восточной, более отдаленной от „линии", части б. Кубанской области стали возникать русские крестьянские поселения: Новомарьевское, Рождественское, Новотроицкое, Богоявленское-Сенгилеевское, Каменнобродское, Безпагир-Покровское (Новопокровское), Расшеватское, Дмитриевское, Ильинское, Архангельское и др., которые впоследствии (в 1832 г.) в числе более 30 сел были причислены к казакам и переименованы в станицы. Все эти поселения были населены государственными крестьянами Курской, Орловской и Воронежской губерний, кроме Новомарьевского, населенного отставными солдатами.

В 1802--1804 г.г. были основаны станицы Ладожская, Тифлисская, Казанская и Темижбекская казаками упраздненного Екатеринославского войска, сформированного в 1788 г. из „малороссов, мещан, старообрядцев, крестьян и разных выходцев".

В 1804 г. выходцами из Воронежской губ. основана ст. Воронежская.

В 1821—1825 г.г. Черноморская линия пополняется переселенцами из Украины в количестве 48,382 душ, а в 1844 г. новой партией в 14,347 душ, которые основывают (по правому берегу Кубани) 19 новых станиц (Новощербиновская, Новокорсунская, Новодеревянковская и т. д.) и гор. Ейск.

В 1825 г. придвинуты к берегу Кубани крестьяне Ставропольской губернии, образовавшие станицы: Убеженскую, Николаевскую и Барсуковскую.

В 1825 — 1826 г.г. по верхнему течению реки Кубани поселен Хоперский казачий полк в станицах: Невиномысской, Беломечетской, Суворовской, Бекешевской и Баталпашинской. Хоперский полк был переселен на Кавказ из пределов б. Воронежской губ., где в 1696 г. русское правительство образовало из „различных выходцев" Хоперскую каз. команду в 200 человек. Хоперский полк был сформирован путем дальнейшего приселения к этой команде новых кадров.

В 1849 г. происходит новое массое зачисление крестьян в казачье сословие, благодаря чему 100 - тысячное, к тому времени, крестьянское население б. Куб. обл. почти исчезает на протяжении ряда ближайщих лет.

Наконец, в 1861 — 1864 г.г., при заселении т. н. „Закубанья", в казачье сословие обращаются 1014 семейств отставных солдат, 938 семейств „разных сословий" и 1338 семейств государственных крестьян.

Таково лицо „казачьей" Кубани.

С еще меньшим успехом вольно-казачью теорию о происхождении казачества (и, вместе с этим, романтику восстаний) можно применить в отношении терских казаков. Здесь, за исключением 5 т. н. гребенских станиц (по нижнему течению р. Терек), нет почти станиц, где бы „исторический" казачий элемент образовывал большинство населения. И здесь большинство станиц состоит из русских крестьян, зачисленных в казаки, и микроскопических доз казаков „исторических".

Затем имеются целые станицы б. государственных крестьян и отставных солдат (Павлодольская, Курская, Солдатская, Грозненская и др.) и станицы: осетинские, кабардинские, грузино-армянские (Шелковская) и даже цыганские (в б. Пятигорском отделе). Довольно значительная часть станицы Гребенской состоит из идел-уральских (казанских) тюрко-татар, имеющих там (или имевших до прихода большевиков) собственную мечеть.

Таким образом, „казачий" Терек, в сравнении с „казачьей" Кубанью, в еще большей степени носит характер созданного царским правительством сословия, в котором историческо-бытовой казачий элемент представлен в минимальной степени.

Не думаем, чтобы в этих условиях древние традиции казачества исторического (давшего истории Разина, Булавина и др.), из которых исходит в бо́льшей своей части идеологическое обоснование вольно-казачьей концепции, нашли отклик в широких слоях кубанских и терских казаков. Они их просто не поймут, ибо, в конце концов, никакого отношения к ним не имеют. И недаром в вольно-казачьем движении преобладают донцы (где элемент казачьего исторического романтизма представлен в более сильной степени), а терцы, например, насчитываются буквально единицами (терских „вольных казаков" можно пересчитать на пальцах одной руки).

В журнале „Дон" (№ 1, 1933), в издании которого принимал участие один из нынешних сотрудников ж. „Вольное Казачество", мы находим следующие строки:

„В последнее время некоторыми казаками-эмигрантами проповедуется теория о „единой казачьей нации" и внедряется в казачьи головы мысль о необходимости создания казачьего государства „Казакии".

Мы, донцы, должны категорически заявить, что нет такой нации. Нужно не уважать читателей, нужно считать их маленькими детьми или безнадежными невеждами, чтобы уверять их в том, что казаки составляют „единую казачью нацию".

Что, например, общего между яицкими казаками (уральцами) и казаками-черноморцами или казаками-калмыками? Язык? Песня? Обычай? Бытовой уклад? Народные герои в прошлом или настоящем? Нет, все это у них разное, резко отличное". *)

*) Между прочим, жур. „Дон" отстаивает самостоятельность — отдельно Дона, отдельно Кубани и т. д.

Мы не вполне согласны только с заключительной частью этой „антивольно-казачьей тирады". У казаков последнего периода имеется общее, но это общее восходит к кабинетам „Главного управления по делам казачьих войск" (не ручаемся за точность наименования этого учреждения), восходит к царскому Петербургу, где создавалось новое казачество, где оно сковывалось строго-определенным и общим для всех войск регламентом и где энергия его направлялась к вящему преуспеянию империи. Это общее создавалось свыше для лучшего управления колонизационным авангардом, каковым было в руках царского правительства казачество. И если при этом в некоторых случаях сохранялись внешние формы древне-казачьего обихода (титул „атаман", „круг" в дни войсковых праздников и т. п.), то, необходимо добавить, для большинства казаков (во всяком случае на т. н. Кубани и Тереке) эти древние формы в своем первоначальном виде были совершенно чужды — они ими никогда не пользовались.

Таким образом, повторяем, „романтический комплекс" едва-ли будет в состоянии сыграть в вольно-казачьем движении ту всезахватывающую роль, какая ему предназначается идеологами этого движения.

Но наряду с выдвижением романтического обоснования вольно-казачьего движения, идеологи движения выдвигают экономический фактор, представляющий второй отправной пункт вольно-казачьей идеологии. Рассмотрим этот фактор, принимая во внимание в основном опять-таки положение наиболее интересующих нас Кубани и Терека. Итак, экономическая мощь казачества покоилась, главным образом, на обширных земельных угодьях, которыми казачество было наделено в ущерб остальным слоям населения, и прежде всего, коренным жителям завоеванных областей *). На Кубани и Тереке казачеству принадлежало более $^3/_4$ всех удобных (и, при этом, лучших) земель, тогда как казачье население на Кубани составляло всего $40^0/_0$, а на Тереке (б. Терск. обл.) не доходило даже до $20^0/_0$. Земельные наделы нагорной полосы Северного Кавказа составляют сотые доли гектара на душу, в то время как исходные нормы казачьих наделов на Кубани равнялись (на душу) 30 десятинам, не считая т. н. юртовых (станичных, находящихся

*) Только относительно Дона можно сказать, что он за период русского владычества больше потерял, чем приобрел.

в общинном пользовании) и запасных войсковых земель. О размерах казачьих земельных угодий свидетельствует, например, то, что многие начальные школы в станицах Кубани имели в пользовании по 300, 400 и даже 800 десятин прекрасного северо-кавказского чернозема.

В 1884 г. генер-майор Н. Краснов послал в редакцию „Разведчика" работу, озаглавленную „Усмирение Булавинского бунта на Дону". Работа не была пропущена цензурой. Цензору особенно не понравилось то место, где, как он пишет, Краснов „неуместно замечает, что правительство может еще долго оставаться спокойным за казаков, если только оно не нарушит их поземельные права; в противном же случае правительство натолкнется на такой же энергичный протест, как в начале XVII столетия". *)

Нельзя охарактеризовать более удачно „белое движение" среди казачества, свидетелями которого мы были в недавнем прошлом. В пророческом предвидении, за 35 лет до памятных дней 1917 г., донской генерал предсказал его изначальную сущность.

Как известно, в 1917 г. казачество вполне лойяльно примкнуло к революции, разделив чувства, которые обуревали в этот момент весь русский народ. Отношения с революцией стали портиться после заявления Чернова, тогда министра земледелия врем. правительства, в котором вождь эс-эров определенно дал понять, что казачьи земли подлежат равномерному распределению между всем населением „казачьих областей". С этого момента казачество, в лице своих тогдашних представителей („Союз каз. войск" и т. д.), делает решительный крэн направо, открыто сотрудничая с элементами, стремящими задержать стремительный бег русской революции (ген. Корнилов, Московское совещание и т. д.).

Победа большевизма, активно проводящего уравнительную программу на казачьих землях, поднимает казачество на вооруженную борьбу. Но и в этой борьбе далеко не все казаки принимают одинаковое участие. Многие становятся на сторону большевиков („верхние" округа на Дону, т. н. Таманская армия, состоящая в большинстве из казаков-кубанцев и пр.). При чем, знаменательнее всего то, что среди казаков большевизм не прибегал к идеологической мимикрии — не выступал ни в роли защитника национальных лозунгов, ни в роли поборника шариата и т. п., как это он делал среди угнетаемых наций России. В казачью массу большевизм шел с теми же приемами наипримитивнейшей демагогии, с которыми он действовал и в центральной России.

Но и казачий сепаратизм времен „белой борьбы" не носил того характера, каковой имеет в настоящем вольно-казачье движение. Определенно самостийный характер имела небольшая группа „украинизанствующих" членов Кубанской рады, теряющаяся в море депутатов русской ориентации и просто лиц, не интересующихся вопросами „высшей политики". За свое благородное упорство группа эта поплатилась убийством Рябовола и казнью Калабухова. В остальном же казачьи круги и рады сохраняли полную лойяльность в отношении добровольческого командования, которое на казачьих землях формально представляло центральную русскую власть. Идеологическим продолжителем казачьего сепаратизма „белых времен" является т. н. Об'единенный совет Дона, Кубани и Терека, который, сохраняя номинально казачьи конституции, не мыслит себя вне России — во всяком случае России небольшевистской. *)

И такого рода „сепаратизм" примирится со всякой Россией, которая восстановит материальные привиллегии казачества в формах довоенных (или приближающихся к довоенным) и даст казачеству внутреннее самоуправление: перестанет присылать „наказных" атаманов и ограничит контроль из центра до минимума.

Чрезвычайно показательными для характеристики казачьих настроений являются недавние выборы, имевшие место в эмигрантской казачьей среде. Как известно, на „русском секторе" казачества выбирался „донской атаман", а среди старой организации вольного казачества (группа ж. „Вольное Каз-во") происходили выборы „походного атамана". И вот, в выборах только „донского атамана" приняло участие свыше 5 тыс. человек, голосовавших поименно, а „походный атаман" всего казачества (если учесть голоса всех „чад и домочадцев", стоящих за делегатами вольно-казачьего с'езда) получил не более 150—200 голосов. Не думаем, чтобы и группе, к которой принадлежит

*) См. — С. Г. Томсинский „Очерки истории феодально-крепостной России". Соцэкгиз, 1934.

*) Кстати, терские казаки никогда, нигде и ни в какой форме не выявляли желания отделиться от России. Это весьма симптоматично и к этому мы вернемся в дальнейшем.

г. Тищенко, удалось собрать большее число голосов.

Эти данные с достаточной убедительностью говорят нам, что большинство казачества, несмотря на долголетнюю вольно-казачью пропаганду, активно продолжает оставаться на „русских позициях". Необходимо учесть и то, что об'ектом пропаганды являются люди, наиболее пострадавшие от большевизма и его уравнительных мероприятий: люди, которые лишены не только всего имущества, но и родины. Казалось-бы, среди, именно, этих людей вольно-казачье движение должно иметь наибольший успех... Однако, этого успеха мы не видим—пропаганда казачьего самостийничества не дает ожидаемых результатов. Сердца широких казачьих масс не воспламеняются не только картинами древнего казачьего прошлого, оживляемого на страницах вольно-казачьей прессы, но и реальными благодеяниями, которые обещаются этой прессой казакам, если они вступят на путь независимости и закончат его созданием „Казакии".

В сущности — если разобраться — в смысле реальном, в смысле осязаемых и знакомых казачеству благ, вольно-казачье движение дает казакам почти тоже самое, что противная сторона казаков русской ориентации обещает дать в обстановке более испытанной и известной: под „могучим" крылом России. Казачьи „вольности", казачий „уклад жизни" казачьи „недра и земли" и т. д. гарантируют казакам и вновь избранный „атаман" граф Граббе, и иные атаманы, и „младоросс" Чапчиков и др. руководители т.н. русских казаков. Пока все свидетельствует о том, что голос этих руководителей находит несравнимо больший отклик среди казачьих масс, хотя почва для вольно-казачьей пропаганды, казалось бы, вполне благоприятна: нет могучего магнита в лице „национальной" России (в руках Сталина последняя все более и более приближается к этому „идеалу" и недалек, возможно, час, когда казачество в СССР будет „восстановлено во всех своих правах"), среди казачества существуют вполне обоснованные претензии по отношению белого командования и вообще деникинского движения, наконец, казачество в достаточной степени политически активно.

Именно, эта обстановка, вызывает в нас вполне обоснованные, думаем, сомнения в действенность вольно-казачьих лозунгов.

(Окончание следует)

Æsson

„В начале бе Ирон"

Моя критическая заметка в „С.К." по поводу статьи А. Кундуха (в № 11, 1935) о происхождении термина fyssyn (писать) не удовлетворила его ожиданий, так как по-видимому он и по сие время убежден в том, что случайно найденный им факт свидетельствует в пользу первоначала иронского языка среди языков всех арийцев: „ход анализа случайно подвернувшегося термина показал именно тот результат, с которым не соглашается автор заметки", т.е. Æsson. (См. „С.К.„ № 15).

Для памяти напомню, суть дела вот в чем: г. Кундух случайно прочитал где-то фарсидское слово „nyvysten" (написать, писать) и его сразу осенила мысль, что nyv и ysten очень схожи с nyv (карточка, лик) и isyn (брать) иронского наречия осетинского языка. Как скромный человек, он не воскликнул внезапно „Эврика", а немедленно задумался над возможностями такой находки и нашел, что при некоторых более или менее искусных манипуляциях ее ценность может быть учтена на филологической бирже не только Иронии, но Фарсии и даже великой Славонии. И вот, не долго думая, он с помощью некоторых операций—редукции, деформации и де-шифровки, получает, наконец, желательное для него теоретическое обоснование. Говоря просто, он видит, что слова fyssyn (осет.), pisać, psat, и „писать" имеют только один корень fys., pis., и пис., который никак не похож на его двухкоренную находку nyf-isyn. Поэтому, не задумываясь над дальнейшими последствиями, он огульно отрицает за ним всякое право на существование: „Что бы мог обозначать любой из приведенных образцов, если взять его как предполагаемый корень? Ничто, ибо такой корень не существовал ни в иронском, польском, чешском и русском языках". (Из статьи А. Кундуха).

Но, об'являя приведенные корни несуществующими и вставляя вместо каждого из них свое двухкоренное nyvysyn, ему не остается иного пути, как об'явить и

иронскую простую форму „писать"—„fyssyn" незаконнорожденной и деформированной от его же двухкоренной находки nyv-isyn через nyffyssyn (осет.). Не все гладко обстоит также с фарсидским термином „...ysten" в том случае, если производить его от „isyn", так как он сам пишет: „Тщетны были бы усилия искать в фарсидском языке корень „is", глагольная форма которого звучала бы „isten" (стр. 23). Славянские же формы глагола „писать" еще менее доступны для анализа, так как они образовались от уже испорченного иронского „fyssyn".

Следует нам с тобою, читатель, только надеяться, что славяне учтут эти весьма важные обстоятельства и примут об'яснение Кундуха на веру. Не правда ли убедительно?

Моя критическая заметка в первый раз вызвана крайней смелостью автора к скороспелым выводам и абсолютному отрицанию без всяких доказательств.

Чтобы не казаться голословным, отмечу его категорическое отрицание корня славянских слов „писать", не дав себе никакого труда разобраться в них в свете сравнительной филологии, и всего навсего только потому, что этот корень послужил для его находки непреодолимым препятствием. В результате такого отрицания, у него получается такой комический процесс формации этого термина:

Первый этап ...иронское „nyv-isyn".

Второй этап ...де-формирование в иронское „nyffyssyn".

Третий этап ...из деформированной „nyffyssyn" это, т. сказ., лжеслово начинает славянизироваться в славянское „писать".

Четвертый этап — „писать" формируется в „написать" для того, чтобы получить аттестат зрелости.

Автор категорически отрицает также существование глагольной приставки (по авторски „представка") „niy.", „ni." вообще в фарсидском, пехлевийском, санскрите или авестийской форме. Смею уверить читателя (автора безнадежно уверять в чем либо), что в этих языках существовала глагольная приставка.

Niy...древне персидском языке.

Ni...санскр., пехлев. и новоперсидск.

„Adam karani fraisayam nipady„ — „я послал мою армию настичь", т.е. в погоню, а буквально „на пятку" или „в пятку".

См. также надп. Ксеркса, хрест. Авесты и др.

Или: nisadaya ...поставить, установить, а также niy-a-stayam и т. п.

Во второй статье, весьма пространной, нет ни одного нового довода в пользу об'явленной автором находки, т.е. о том, что славянские и иранские термины „писать" произошли от иронского, якобы самого архаического из этих языков.

Истины ради я должен сослаться на мою заметку, читатель, касательно того, что, вопреки заявлениям автора статьи, я не производил и не выводил какой либо язык из какого либо другого. Я вообще далек от такой мысли, считая маловероятной, в наше время, возможность разрешения такого вопроса в отношение любого из древних народов. Я старался лишь показать, что, при наличии родства санскрита, авесты, пехлевийского и вообще арийских языков, в некоторых из них, хотя бы, мы сможем найти родственные корни для понятия резать, высекать украшения, изображения, которое больше всего походило на первобытную форму „писания".

Помимо известных нам уже терминов писать и письменности вообще в славянских и иранских языков, которые автор статьи производит от иронского языка, он делает то же самое и с чеченским языком и народом (см. его статью там же о чеченцах). Больше того, его теория развивает права осетин на прародителей всех вообще арийских языков и народов. Дабы не было сомнения в том, привожу его слова: „Дигорское наречие есть первая ступень иранизации древнейшего языка восточных арийцев, архаизм которых в наибольшей чистоте сохранился в языке иронцев. Следующую ступень надо искать в ущельях Памира, Гиндукуха и Курдистана, не исключая, конечно и самого Ирана"... „В остальном, корни иронского языка разнесены арийцами по всем странам, где расселились „индоевропейцы". (там же).

Кажется, что если бы автора статьи посадили написать библию вселенной, то он начал бы: „В начале был Ирон, Ирон имел слово, а от слова была Ариа".

Заканчивая мою заметку, мне хочется сказать, что автора Кундуха нельзя поздравить даже в оригинальности его находки. Среди иронов это не первая находка и А. Кундух не первый возвещает иронов, как начало арийцев и арийской культуры вообще. Знакомым с осетинским языком напомню, что еще в 1913 вышла в печати по иронски брошюра „История Ира" автора Вано. Этот автор заставляет иронов разносить культуру с места на место во все концы мира, куда только проникали арийские народы.

Из народной поэзии Север. Кавказа

Чеченские народные песни

Скорбь о брате

(Старинная песня, записанная поэтом С. Бадуевым в 1929 году)

Нет мочи забыть в жизни,
Что наши ноги—в стальных кандалах.
Нет мочи забыть в жизни,
Что наши шеи дьявольской петлей
затянуты.
Базарным воском смазав веревки,
Из нетесанного леса сколотив виселицу
высокую,
Чинаровую скамью подставив под ноги,
Парусный мешок на голову накинув,
Повесили палачи возлюбленного моего
брата.
Нет мочи забыть,
Нет мочи забыть того,
Кто со мною в одном чреве лежал!
Как забыть того, кто твердит,
Что на свете фальши много?
Как забыть того,
Кто требовал в жизни правды одной?
Как забыть того,
Кто требовал слабого не угнетать?
Вспоминается милый брат
В утро прекрасное;
Вспоминается милый брат
В утро наступающее;
Вспоминается при виде зеленеющей травы,
Бугра могильного;
Вспоминается при виде белой кисеи,
Идущей на саван.

Перевод с чеченского

А. Трамова.

Абреческая

Ассалам алейкум, многоводный Терек,
Синяя река!
Я приехал и топчу твой берег,
Ты не упрекай.
Я не часто, Терек, у тебя бываю.
Гость я небольшой.
Я не часто, Терек, ноги омываю
Синею водой.
Терек, ты идешь, как жены князя,
Плавно и легко.
Терек, ты кумыцкой песней дразнишь,
Слышной далеко.
Клей в тебе,—так говорят в ауле—
Быть, джигит, беде!
Многие отважные тонули
В той густой воде.
Терек, разделил ты всю равнину.
На моих глазах,
Лодку липовую в воду сдвинув,
Бьет веслом казак.
Конь копытом воду бьет густую. .
Я у матери—один.
Конь мой грудью режет воду. Доплыву я—
Матери любимый сын.

Боевая

В день когда плачут, как вихрь,
Пули,
В день, когда порох сжигает
Брови, —
Узнаем мы доблестных джигитов.
В день, когда трусы
Прячутся с женами дома;
В день, когда увальни
Лезут от пули в солому
И клича не слышат;
В день, когда в сердце аула
Окна мечети
Пламенем пышут,—
Узнаем мы доблестных джигитов.
Живи долго!
Живи благополучно!

Б Л Я О*)

(Адыгейская шуточная сказка)

У одного человека была злая, сварливая жена. Поехал раз этот человек в лес за дровами и думает по дороге:

— Ох, Аллах, Аллах, за что ты меня наказал такой женой! Наверно, нет хуже этой женщины во всем нашем джамаате (общине).

И стал думать, как ему избавиться от злой жены, но придумать не мог ничего.

Приехал в лес, нарубил дров, уложил на воз, едет обратно.

Уже выехал на опушку леса — и вдруг видит яблоню, всю в крупных, красных яблоках. А под яблоней, у ее корней — вход в темную, подземную пещеру. Испугался человек, задрожал: в пещере жил страшный бляо (дракон). Человек уже стегнул коня, чтобы поскорее убраться от опасного места, но вдруг остановился, задумался.

— Все равно! — сказал он, — хоть и грешно это, но вот хороший случай избавиться от злой жены.

---

*) Так по кабардински называется некое сказочное существо, напоминающее европейского дракона.

Наложил над входом в пещеру сухих веток, прикрыл буркой, нарвал самых крупных, самых красных яблок и высыпал на бурку. После этого — скорее домой.

— Иди в лес, — говорит жене, — там, на бурке, лежат красивые яблоки.

Жена сейчас же понеслась в лес и— не вернулась.

Проходит неделя, две — жены нет, не возвращается.

— Ну, значит не вернется, — думает человек. — Наверно, как я придумал, так и случилось: прибежала она к лесу, бросилась к яблокам — и провалилась, вместе с ними, в пещеру к бляо.

И он вздохнул с облегчением.

Но потом стал думать:

— Все-таки, нехорошо я сделал, — плохо мне будет...

Мучился так несколько дней и кончилось тем, что пошел в лес, к пещере страшного бляо. Стал подходит — и еще издали слышит стоны.

— О-у-у... у-у-у...

— Что такое? — испугался человек, и осторожно приблизился к пещере.

Прислушался, и слышит горькую жалобу:

— Ох, ох, ох — за что я терплю такие муки? Неужели никто не избавит меня от этой женщины?! О у-у... О-у-у...

Это стонал страшный бляо!

Человек побежал домой, нарезал ремней, связал их, вернулся к пещере. Привязав к ремню корягу, опустил ее в пещеру. Слышит, кто-то уцепился за корягу.

Стоны прекратились.

Наконец, человек вытащил корягу и, вместе с нею — бляо.

Лежит бляо чуть живой, никак не может отдышаться, пот бежит с него ручьями.

Потом, когда отдышался, говорит:

— Спасибо тебе, добрый человек, за услугу. Проси, чего хочешь — все сделаю для тебя, но проси не больше трех раз. Если же попросишь о чем-либо в четвертый раз — лишишься всего и самому тебе будет плохо. До трех раз — помни об этом!

— Хорошо, — говорит человек, — но дай подумать. Когда придумаю — приду и скажу.

И ушел в свой аул.

Проходит время. И слышат люди: страшный бляо лег через реку, преградил ее течение и лишил воды все аулы. Смутно, тревожно стало в аулах: скот ревет от безводья и люди не знают, что делать.

Дальше — хуже: скот падает, хозяева ходят черные, как земля, женщины и дети плачут.

И всему виною — страшный бляо, „блягож" (старый бляо). Как умилостивить его, как просить, чтобы он пустил воду в аулы — люди не знают.

И стало тому человеку жалко людей.

— Попробую пойти поговорить с бляо, решил человек.

Надел панцырь, отточил шашку — для виду, будто идет сражаться с бляо, и пошел.

Приходит.

— Ну, что, придумал свои три просьбы? — спрашивает бляо.

— Пока — одна просьба: выйди, пожалуйста, из реки и пусти воду аулам!

Бляо вылез из реки, пустил воду.

Человек вернулся в аул. Очень благодарили его люди: несли ему кур, яйца, брынзу, масло...

Стал человек жить лучше.

А бляо перелетел на другую реку и загородил там воду. И опять поднялась тревога: по всем аулам мучился от безводья скот, мучились люди.

Узнал об этом человек — опять пошел к бляо. Опять попросил его выйти из воды и не мучить людей.

— Хорошо, — сказал бляо.

И выполнил его вторую просьбу.

Очень рады были соседи и много благодарили человека: тащут ему кур, гонят к нему во двор быков, баранов, несут всякую еду. Стал человек жить хорошо.

И приходит черный хабар (известие): бляо загородил третью реку, лишил воды многие аулы.

И в третий раз пошел человек и упросил бляо покинуть реку.

— Ну, теперь мы квиты, — сказал бляо: — я выполнил все твои три просьбы. Помни же: если придешь еще раз — лишишься всего и пропадешь сам.

Вернулся в аул, а соседи с третьей реки уже гонят к нему во двор коров, буйволов, лошадей, несут ему деньги и много всякого добра.

Стал человек жить совсем хорошо, как уорк или пши (дворянин или князь).

А бляо, тем временем, залег на четвертой реке. Высохла река, иссякли колодцы.

Но слава о человеке, имеющем власть над страшным бляо, уже шла по всей земле адыгов. Приехали к нему выборные люди из четвертого аула — просят помочь в черной беде.

Не соглашается человек.

— Не могу, — говорит. — Никак не могу, и не просите!

Уехали люди ни с чем. Но приехали

еще и еще раз. Падают на колени, просят:

— Пожалей наших детей! — матери оплакивают их, рвут на себе волосы.

Задумался человек:

— Пускай пропадает все мое богатство, пускай сам лишусь жизни, но надо помочь бедным людям, — подумал он, и решил итти к бляо в четвертый раз.

Не надел панцыря, не взял шашки — пошел просто так.

Вышел на равнину, посмотрел из-под ладони вдаль — видит: бляо лежит в реке.

Подошел ближе, замахал шапкой.

Бляо тоже увидел его, — страшно зарычал:

Разве я не предупреждал тебя, чтобы ты не являлся ко мне в четвертый раз с просьбой?! — Пеняй же на себя!

— Нет, нет! — закричал человек и замахал шапкой, — я не просить пришел...

Опасливо оглянулся и, понизив голос, сказал:

— Хочу предупредить тебя, что та женщина выбралась из пещеры!

Дико завыв, бляо взмахнул крыльями и в страхе улетел из тех мест. („Сев.-Кавк. большевик"—Сказка записана в ауле Кошехабль, со слов Тембота Керашева)

Среди книг и журналов

„Wschód—Orient" № 1—2 (17—18), 1935.— В этом номере, наряду с чрезвычайно интересной статьей главного редактора, г. В. Бончковского, которая полностью помещена в настоящем номере нашего журнала, имеются весьма содержательные статьи г. В. Пельца о русско-ниппонских взаимоотношениях („Очерк русско-ниппонских отношений") и г. Е. Маланюка „О русской литературе в СССР"." Кавказские авторы представлены не менее содержательными статьями М.—Э. Расул-Заде („Национальные уклоны в сов. Азербайджане") и г. Ж. Хавжоко („Торговля и экономическая жизнь на Западном Кавказе"), а также отрывком из романа, написанного по польски г. М. Чукуа в сотрудничестве с г-жей Я. Ячевской. В литературном отделе журнала помещен также известный читателям—горцам рассаз Св. Чеха — „Адыге". Журнал, как всегда, имеет богатый отдел хроники, рецензий и т. п. Д. И.

* * *

Корреспондент рижской „Сегодня" г. Герман Свет, совершивший в августе т. г. в числе нескольких журналистов поезду в Транс-Иорданию, в которой журналисты сопровождали престолонаследника королевства Хеджаса и Неджа (Ибы-Саудии), описал затем свои впечатления в представляемой им газете. Во время поездки Герман Свет имел возможность видеть поселения нашей старой эмиграции в Транс-Иордании. В его корреспонденции мы находим следующее описание:

„...Вот уже черкесская деревушка. После русско-турецкой войны Турция переселила сюда из Кавказа чеченцев и кабардинцев — мусульман. Их тут несколько тысяч. Имеется ряд таких черкесских деревень. Кавказ по ту сторону Иордана! Стройные фигуры, тонкие талии, перетянутые кушаком (?), высокие барашковые папахи, горбатые носы. Среди стариков многие говорят по русски с типично кавкасским акцентом".

Наша старая эмиграция попала в Транс-Иорданию—равно, как и в Сирию,—в большей части из Болгарии и Фракии, где ее пребывание, после войны 1877—78 г.г., стало невозможным. Но в Болгарию и Фракию она попала после насильственного выселения русским правительством горских масс с их настоящей Родины—Кавказа. Это пояснить г. Свет не счел необходимым.

* * *

Александр Амфитеатров, незадачливый и неудавшийся писатель, „переключил" себя сейчас на разбор военно-политических проблем. Недавно на страницах „Возрождения" он посвятил статью итало-абиссинскому конфликту („Эфиопия и эфиопы"—„Возрождение" от 31.VII 1935). В статье этой он проводит следующую „глубокомысленную" аналогию:

„...Неприятель в русских войнах на Кавказе был приблизительно таков же (т. е. как абиссинцы — М.). Разница темнокожих абиссинских горцев с белокожими кавкасскими (не к удобству Италии) только та, что абиссинцы — шестнадцативековые христиане (евтехианцы, монофизиты) и, хотя они очень враждебны католицизму(?!), все таки, значит, с ними нельзя обойтись, как с „неверными". А затем — народ, хотя патриархальной культуры, но отнюдь не „низшей расы", храбрый, воинственный, патриотический".

Таким образом, в шовинистическом мозгу Амфитеатрова северо-кавказцы по прежнему остаются народом, „хотя патриархальной культуры", но „низшей расы, не-храбрым, не-воинственным, не-патриотическим". Неужели только потому, что они мусульмане, или же потому, что не хотят примириться с русским господством?! И неужели, г. Амфитеатров, прошлое вас ничему не научило?!

М.

Kücük haberler — Хроника

Muhacirler arasında — Среди эмиграции

KAFK. KOLONİSİNİN KRAKOV SEYAHATI

Mareşal Pilsudski daha hayatta iken leh milleti büyük kurtarıcısına şükran borcunu ödemek için Büyük Adamın adına yaptığı muazzam işlerle mütenasib bir abide yapmağa karar vermişti. Bu kararın tahakkuku yolunda daha geçen yıldan itibaren leh kültürünün ve Pilsudski lejiyonlarının beşiği olan tarihî Krakov şehri civarında Mareşal adına diğer millet kahramani Tadeuş Kostuşko'nun-

kine benzer muazzam bir tepe yapılmağa başlanmıştı. Mareşalın vefatını müteakib daha fazla hız alan bu mes'ele bütün milleti meşğul etmeğe başladı. Yeniden dirilen milletin ebedi bir şükran sembolu olacak olan bu kocaman tepe, mübalağasız dene bilir ki bütün milletin candan bir alâka ve iştirakile yapılmaktadır. Şöyle ki, Lehistan'ın en ucra köşelerinden gelen sayısız delegasyonlar, heyetler, seyyahlar kendilerile beraber sembolik mahfezeler içerisinde getirdikleri bir parça toprağı tepeye döküyor ve tepeyi bir parça daha yükseltmek için çolukluçocuklu, kadınlı-erkekli etraftan toprak taşiyorlar. Şimdiye kadar her taraftan yüz binden fazla adam gelerek toprak taşımak suretile tepenin yapılmasına iştirak etmiştir.

Hiç şüphesiz, kardeş leh milletının bu maşeri faaliyetine Lehistan'da yaşayan Kafkasya (Azerbaycan, Gürcüstan, Şimalî Kafkasya) kolonisi yabanci kalamazdı. Nitekim Kafkasya Konfederasyon Şurasının arzusu üzerine Lehistan'da yaşayan Kafkasya muhacir kolonisi Krakov'a kadar bir seyahat yaparak millî kurtuluş sembolu olarak tanıdiği Büyük Mareşala saygı borcunu ödemeğe ve tepenin yapılışina iştirak etmeğe karar verdi. Ayni zamanda seyahat yapacak koloni K. K. Şûrası tarafından gönderilen Kafkasya toprağını dahi tepeye dökecekti.

Tesbit edilmiş seyhat işini tahakkuk ettirmek maksadile geçen ayın ortalarında Kafkasya muhacir koloni mümessilleri bir içtima yaparak şunları karara aldılar:

Lehistan'daki Kafkasya (Azerbaycan, Gürcüstan, Şimalî Kafkasya) muhacir koloni mümessilleri Kafkasya Konfederasyon Şürasının arzusu üzerine karar veriyor:

1. — Lehistan'ın Büyük Reisi Mareşal Pilsudski'ye saygı borcunu ödemek maksadile bütün koloni ile beraber Krakov'a gidilsin.

2. Krakov cıvarındeki Sovinets'de yapılan tepenin yapılışına iştirak edilsin.

3. — K. K. Şûrası tarafindan gönderilen Kafkasya toprağının tepeye dökülerek toprak mahfezesi üzerinde şunlar yazdırılsın:

„Kendi kurtuluşları yolunda çarpışan Kafkasya (Azerbaycan, Gürcüstan ve Şimalî Kafkasya) evlatlarından — Lehistan'ın Büyük Kurucusu ve Reisine". *)

Mazbata A. Azertekin, K. İmnadze ve B. Baytugan tarafından imza edilmiştir.

İşte bu kararın tahakkuku yolunda 50-den fazla Kafkasyali (ailelerile beraber) Krakov'a hareket etti. Koloni Krakov istasyonunda şehir mümessilli tarafından karşılandıktan sonra, bayrakları „Barbakan" denilen tarihi mahelde fahri nöbetle beraber bırakarak Krakov'un şayanı dikkat yerlerini, tarihi binalerini görmeğe çıktı.

Önleye doğru koloni Mareşala saygı borcunu ödemek için Vavel sarayına geldi. Mareşalın sanduksasının bulunduğu Vavel kilisası medhalinde Krakov şehir mümessili Kühn koloniyi karşılayarak kısa bir nutukla Mareşalın Lehistan tarihindeki rolunu anlattı ve nutkunun sonunda samimi alâkadarlık gösteren Kafkasyalılara teşekkürünü bildirdi. Bunu müteakib kilisanın zemin katına inilerek Mareşalın sandukası ziyaret edildi.

Kisa bir istirahattan sonra hususî bir otobusla Krakov civarında tepenin yapıldığı mahelle gidildi. Bir müddet sonra millî bayraklarla fahrî nöbetciler de şehir mümessili Kühn'ün refaketinde hususî bir otomobille ayni mahelle geldi.

Sovinets'de, mahfezede getirilmiş toprak tantanalı bir merasimle tepeye döküldükten sonra Kafkasyalılar diğer binlerce lehli ile beraber toprak taşıyarak tepenin yapılışına iştirak ettiler.

Kafkasyalıların bu seyahatile Krakov matbuatı alâkadar olarak gazetelerde seyahattan iyi bir lisanla bahsettiler.

*) 15 nci sayımıza bakılsın.

ГАМИД ЧЕЖОКОВ

7 августа в Нью-Иорке, на 54 году жизни, скончался от болезни почек Гамид Чежоков. Похороны состоялись 9 августа на мусульманском кладбище в присутствии многих мусульман и христиан. Северо-Кавказская колония в Нью-Иорке весьма близко приняла к сердцу смерть всеми уважаемого Гамида Чежокова. Несмотря на вспыльчивый характер, покойный обладал на редкость чутким, отзывчивым и добрым сердцем. После окончания Ставропольской гимназии и юридического факультета он был судебным следователем, а с первых дней революции занимал ряд выборных должностей в Кабарде, играя там видную роль. Покойный принадлежал по-началу к числу тех горцев, которые не верят в возможность осуществления независимости Кавказа. Однако, в последнее время он изменил свое мнение и даже стал подписчиком журнала „Северный Кавказ". Вдали от Родины отошел в вечность еще один из старших адыгейцев, у кого подрастающая горская молодежь могла бы подучиться адатам. Да будет ему земля пухом!

Нью-Иорк. И. Н.

* * *

Редакция и сотрудники ж. „С. К." выражают семье и родственникам покойного Гамида Чежокова свое глубокое соболезнование.

ВОЛОДИМИР МУРСЬКИЙ

19 июля с. г. в Истанбуле скончался известный украинский журналист и политический деятель, Володимир Мурський. Покойный был одним из активных работников по сближению украинского национального движения с национальными движениями иных угнетаемых Россией народов. Поэтому смерть его особенно печальным эхом отозвалась среди колоний этих народов в Истанбуле. Представители эмигрантских колоний Северного Кавказа, Азербайджана, Грузии, Туркестана и Крыма, наравне с украинской колонией, пережили тяжесть потери, приняв сердечное участие в похоронах.

Да будет мир Его праху!

Истанбул. М. Ц.

ПОРУЧИК ВАССАН-БЕК ТОТИАТИ С ЧЕСТЬЮ НОСИТ ИМЯ КАВКАССКОГО ГОРЦА

В середине июля т. г. в Вильно состоялись конные состязания офицеров Польской армии, на которых наш земляк, пор. Вассан-бе'к Тотиати (Тотиев), взял первый приз за выездку коня. На таких-же состязаниях, но уже в более широком масштабе (общеармейских), имевших место в Сувалках в конце июля, пор. Тотиати занял третье место в общей классификации. Пор. Тотиати служит в Польской армии с 1920 г., со времен польско-русской войны, которую он провел в рядах Татарского уланского полка им. Мустафы Ахматовича.

KAFKASYA HABERLERİ—ВЕСТИ С КАВКАЗА

SOVYET HüKüMETİ „AMELE-KöYLü HüKûMETİNİN" DOSTU TüRKİYE LAZLARı ARASıNDA „SEPERATİZM" İ İNKİŞAF ETTİRİYOR

12.VI.1935 tarihli „Zarya Vastoka" gazetesinin yazdığına göre Tiflis'deki N. Y. Marr adına Kafkasyacılık enistitusu yanında lazcılık şubesi vücude getirilmiştir. 1928 de (yani Türkiyenin latin alfabesine geçtiği tarih de) sovyet alimleri tarafından (yeni türk alfabesinden farklı) hususî bir laz alfabesi vücude getirildigini, 1933—34 de ise yukarıda ismi geçen şubenin laz dilinde bir çok mekteb kitabları neşrettigini ve Banişi Mustafa, Lazurişi Iza, Abdulişi Memed v. s. gibi laz yazıcılarının eserlerini tab'a hazırladığını dahi gene ayni gazeteden ögreniyoruz.

Daha harpten evvel maişet endişesile Kara deniz limanlarına gelerek yerleşmiş tek tük lazları hesaba katmıyacak olursak, Kafkasya ve Sovyetler Ittihadi hudutları içerisinde laz yoktur.

Türkiye hudutları dahilinde kesif kütle halinde yaşayan lazlar ise, dost Sovyet hükûmeti nazarında türk milletinden ayrı bir millet gibidir.

Sovyetlerin bu kabil bir „lazcılığı"nın bu şeraitte neden ileri geldiğini bilmek her halde meraklı olsa gerek. Laz dilinde ve sovyet—laz alfabesile tabedilen saçma propaganda neşriyatı kimin için yapılıyor?

Bu suale belki „yoldaş" Karahan cevab verebilir?!...

НОВЫЕ МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ В ЧЕЧНЕ

Наш корреспондент в Иране сообщает нам следующее:

На днях здесь получены известия о новых массовых расстрелах в Чечне. В продолжении лета т. г. советские власти ликвидировали здесь 2 партизанские группы, действовавшие уже в продолжении нескольких лет.

Одна из них, во главе которой стоял известный своей храбростью партизанский руководитель Макал Газигиреев, была в составе 18 человек окружена в Гудермесе частями красной армии, вступив с последними в перестрелку. Во время перестрелки был убит начальник группы Макал Газигиреев. Остальные члены группы, не желая навлекать на жителей аула мщения красных, сдались. Из числа их были расстреляны: Гази Тулигов, Паша Тарамов, Алаудин Вахабов и Элеха Элибиев. Судьба оставшихся будет разрешена в ближайшее время. Группой Макала Газигиреева был убит известный в Чечне чекист Алаудин Сайханов, о смерти которого сообщалось в ж. „С.К." в прошлом году. Кроме этого, в течении двух последних лет группа произвела 31 вооруженных налетов на советские учреждения и убила 5 ответств. работников и 2 красноармейцев русского происхождения.

Вторая группа состояла из Шамаева Измаила, Таралиева Дзанди, Абдулханова Селимсолтана и Дикаева Шейхмагомеда. Она была захвачена врасплох в нагорной Чечне. От мая т. г. эта группа произвела нападение на почтовый автомобиль и поезд, убила недалеко от Харачоя (родной аул Зелимхана) инспектора милиции Нурмагомаева и 4 советских служащих — партийцев русских. Все члены группы были в августе расстреляны в Суюндж-Кала.

СУЮНДЖ-КАЛИНСКИЙ НЕФТЯНОЙ ИНСТИТУТ НЕ ЖЕЛАЕТ ПРИНИМАТЬ ГОРЦЕВ

В т. году Суюндж-Калинский Нефтяной институт выпустил 156 инженеров-нефтяников, из которых горцев было только 4 человека (3 осет. и 1 чеченец). В настоящий момент производится новый набор в количестве 225 человек. Несмотря на то, что наплыв горцев, желающих учиться в институте, чрезвычайно велик (подано почти 200 заявлений), будет принято только 29 горцев (16 чеч., 6 инг. и 7 дагест.). Так реализируется в жизни советский принцип национального равноправия.

ЗОЛОТО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Нами уже неоднократно сообщалось об открытии на Северном Кавказе ряда золотоносных районов и об образовании на них ряда приисков. Ныне приводим еще некоторые данные о добыче золота, взятые нами со страниц советской печати:

На Кировском прииске в Лабинском районе по реке Малая Лаба обнаружены новые пласты, содержащие золото. Обнаружено золото и в наносах реки Фарс. Затем обнаружено золото на всех притоках реки Саше (Сочинки): Агуа, Ушхо, Егош и т. д. На приисках в этом районе находятся самородки весом до 12 граммов. Наконец, золото обнаружено и приступлено к его добыче и в Кабардино-Балкарии. Здесь уже работают прииски по реке Мушта (приток Хаса-Ута), по Хаса-Уту и по Малке. Советская печать сообщает, что тресты „Азчерзолото" и „Севказзолото" перевыполнили свои задания.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Советское правительство приступило в текущем году к реконструкции лучшего в СССР завода по выращиванию чистокровной английской лошади—кон. завода „Восход", который расположен в Армавирском районе. На реконструкцию завода ассигновано 3500 тыс. рублей.

— Институт кавказоведения в Тифлисе собрал в Нахичевани большой этнографический материал. Найдена коллекция шахских фирманов и других документов (дарственные записи, купчие грамоты), относящихся к тюркскому полукочевому племени Кенгерлу. Документы эти—XVII—XIX веков и составлены на иранском языке. Документы представляют значительный интерес для истории феодального строя бывшего Нахичеванского ханства.

— „Заря Востока" сообщает о новых случаях долговечности в Абхазии. Оказывается в ауле Киндги проживает брат Хапара Киут-ипа, который прожил 152 года и умер в декабре 1933 г. (фотография Х. К.—ипа была помещена в одном из прошлых номеров „С. К."). Брат, по имени Маисар, имеет в настоящее время 135 лет. В Очемчирском районе проживает Адлейба Матаг, которому сейчас 140 лет. В районе Гудаут стариков, имеющих за собой больше века жизни, насчитывается до десятка. В ауле Гал живет Акецба Тлабчан—ему 132 года.

— В Кисловодске 7 августа умер известный армянский писатель Александр Ширван-Заде. Покойному было 78 лет.

— Асхат Биджиев переводит на карачаевский язык „Демона" Лермонтова. Чечено-Инг. издательством издаются на чеченском языке произведения Джека Лондона и „Робинзона Крузо". Дан. де Фо. Перевод „Роб. Крузо" сделан Даниэльбеком Шериповым.

Mecmuanın müdürü: CANBEK HAVJOKO — Редактор журнала: ЖАНБЕК ХАВЖОКО

Müdürün adresi — Cz. Krzyża 9 m. 5, Warszawa, Pologne — Адрес редактора

Mecmua idareh. adresi — 110, rue Thiers, Boulogne s./Seine, France — Адрес адм. журнала

Zakł. Gr. P. Szwede Warecka 8